

* * *

Мужчина моей судьбы

Алиса Ардова

Аннотация

Когда-то герцог Роэм Саллер позволил невесте сбежать, чтобы избавить ее и себя от нежеланного брака. Но готов ли он отпустить чужую жену сейчас? Что ему нужно – любовь Мэарин или ее уникальный дар?

А ведь герцог пока даже не подозревает, что в теле бывшей нареченной живет душа девушки из другого мира. Моя душа.

Распутать интриги, раскрыть опасные тайны, выяснить, что случилось с братом, и главное, выжить – непростая задача. Но я обязательно справлюсь.

Осталось лишь понять, что испытываю к Саллеру я сама...

Вторая книга дилогии

Оглавление

Мужчина моей судьбы

Аннотация

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 1

Я вынырнула из метро и, ловко лавируя между прохожими, чуть ли не бегом понеслась вперед по широкому проспекту.

Чудесный день начала лета, яркое солнце, синее-синее небо – все радовалось вместе со мной. И было чему. Сегодня я сдала последний, самый трудный экзамен по проблемам искусства Средних веков. Ланская, которую все называли не иначе как «хромая ведьма», отправила на пересдачу почти треть курса. Из оставшихся, большинство проскочило на «удовлетворительно» и только пятеро счастливицов, включая меня, получили по залуженному «отлично».

Утром я ехала в универ как на казнь, а теперь, едва не пританцовывая, возвращалась домой. Как гора с плеч! И стипендия на следующий семестр гарантирована – мелочь, но очень приятная, и уж точно не лишняя в нашем маленьком семейном бюджете.

Так...надо в магазин заскочить, в холодильнике шаром покати. Петька тоже готовился, и в течении последних двух суток из дома никто из нас не выходил. Зубрили... зубрили... зубрили – каждый свое. Завтра у него последний экзамен, потом нам обоим предстоит практика, но перед этим – неделя полной свободы. И как этой свободой распорядиться, мы давным-давно решили.

Брат открыл дверь «на автомате». Мазнул по мне расфокусированным взглядом, молча развернулся и пошлепал к себе в комнату. Нет, я, конечно, все понимаю – у человека сейчас мысли только в одну сторону направлены, но это уже слишком. Где приветственные возгласы? Жадные расспросы? Овации? Сестра, можно сказать, чудом вырвалась из цепких когтей «ведьмы» – изрядно оципанная, но не побежденная.

– Петручко! – от неожиданности Петька вздрогнул, остановился и даже соизволил оторваться от планшета.

– Ну?

– Я сдала!

– Поздравляю... – в его глазах наконец-то появилось осмысленное выражение, а на лице расцвела теплая улыбка. – Молодец, Маха. Эх... а у меня все впереди... – он помрачнел и снова уткнулся в планшет.

Сочувственно посмотрела ему вслед, скинула босоножки и, ненадолго заскочив в ванную, поспешила на кухню варить сосиски и рис. Со вчерашнего вечера толком ничего не ела, да и мой любимый родственник тоже.

– Марусь, – в соседней комнате что-то с грохотом упало, но, слава богу, кажется, не разбилось, – свари кофе, пожалуйста... Литров триста... или пятьсот... Да, кстати, завтра вечером идем в «Гнездо глухаря». Medellin из Питера приезжает, Глеб обещал провести.

Я чуть не уронила солонку в кастрюлю с рисом. Вот это подарок за успешно сданную сессию! Ринулась в Петькину спальню и с визгом повисла у него на шее, целуя покрытые двухдневной щетиной щеки. Жертва моих безудержных восторгов слабо отбивалась, снисходительно хмыкала, но была явно довольна собой. Хотя по большому счету благодарить надо Глеба Большакова, администратора клуба.

Я давно уже подозревала, что все его приглашения на очередной авторский вечер, с неизменной фразой в конце: «Ну, и сестру с собой возьми, если хочешь», предназначались именно мне, а не брату. То, как Петькин приятель на меня смотрел, реагировал на любую просьбу, пытался все время находиться рядом говорило само за себя. Неплохой он парень, этот Глеб, жаль только мне совсем не нравится.

Мурлыча под нос что-то тягучее и джазовое, вернулась на кухню и с удвоенным энтузиазмом принялась за готовку.

За обедом Петька ошарашил еще одной новостью – завтра в «Гнезде» появится и Влад Лукин. Бывшего поклонника я не видела почти полгода с тех пор как мы поссорились на чьем-то дне рождения. Я видите ли «страстно прижималась к этому типу» во время танца. И вовсе не прижималась. Мне просто жали новые туфли, и я на «типе» повисла, чтобы ногам стало немного легче.

В общем, все закончилось, так и не начавшись. Кроме цветов, нескольких свиданий и поцелуев ничего у нас с красавцем-блондином не случилось. Мысленно усмехнулась, представив, как мы встретимся, что скажем друг-другу. Я, безусловно, буду самой красивой, он, разумеется, непременно пожалеет о своих опрометчивых обвинениях и...

Кстати, а где моя любимая блузка от Fendi?

Дожевывая на ходу, полетела в свою комнату. Перерыла весь шкаф, отложила брюки, юбку – потом примерю – и, наконец, извлекла на свет вожделенную вещицу. Повертела в руках и, прижав ее к груди, подошла к зеркалу.

Жаль, загореть не успела. Ну да ладно, в клубе всегда полумрак. Улыбнулась отражению, бросила блузку на стул, потянулась к волосам и... замерла.

На шее загадочно поблескивало незнакомое украшение.

Ожерелье...

Тонкое, изящное кружево, густо усеянное крохотными прозрачными камешками.

Невероятно...

Медленно провела пальцем по серебряным нитям, и они вдруг засветились – как будто откликнулись на безмолвный долгожданный призыв.

– Мири... – горячим ветром пронеслось по комнате. И сердце на миг остановилось. – Моя Мири...

Один из камней уколол взгляд вспыхнувшей в нем искрой, Искра пульсировала, разрасталась, становилась ярче – и через несколько секунд мерцало уже все ожерелье. Мягкий призрачный свет завораживал, манил, словно втягивая в себя.

Комната, отражавшаяся в зеркале, закружилась, я покачнулась и упала в ослепительное сияние, которое внезапно заполнило собой все вокруг...

Я вплывала в реальность как тяжело груженная баржа в торговый порт – медленно и со скрипом. Вот тупой нос неповоротливой барки плавно вкарабкался на гребень волны, а затем резко упал вниз, возвращая меня к действительности.

Эта самая действительность совершенно не радовала. Горло пекло, язык онемел и не слушался, прилипнув к небу. Попыталась позвать Петьку, но даже шепота не получилось. Господи, чем мы вчера занимались в «Глухаре»? Ничего не помню. Голова не болела – это плюс. А вот пить хотелось просто невероятно. Хотя бы глоточек чего-нибудь.

Пошевелила руками и ногами. Он слабо, но двигались и, почему то, шуршали.

«Это из меня вся вода вытекла, один песок остался, он и шуршит». – хмыкнула про себя и с трудом разлепила непослушные веки.

По глазам тут же больно ударил свет. Прищурилась, проморгалась, осторожно приподнялась, опираясь на руки, и... обомлела.

Сено...

Для верности потыкала в него ладонью и окончательно убедилась, что, действительно, сижу в сене.

Куда же это мы умудрились въехать?..

Авария?..

Есть ли еще выжившие?..

Мысли, как сонные мухи, роились в голове, но я никак не могла сосредоточиться.

На глаза попала прилипшая к рукаву соломинка. Машинально стряхнула ее и

охнула, потрясенно разглядывая странное платье, в которое была одета. Красивое, конечно, не спору, даже несмотря на то, что не первой свежести и мятое, но... Откуда оно?!

Интересно, это у меня галлюцинации или мы театр по дороге ограбили? Лучше уж театр. Нехорошо, конечно, но для здоровья однозначно полезнее.

Тяжело поднялась на ноги, растерянно осмотрелась, стараясь прийти в себя и сообразить, что же все-таки происходит.

Круглая пещера... или огромная нора, что тоже вполне вероятно. На полу головешки от костра. Позади меня – уходящий во тьму коридор. Впереди – вход... выход. Что там у пещер бывает?

Кое-как добрела до узкой щели и на несколько минут зависла, изучая невероятный пейзаж, который можно встретить разве что в фантастических мирах Валледжо. Впрочем, долго оставаться в одиночестве мне не позволили.

– Мири, – раздалось за спиной встревоженное.

Услышав звук приближающихся шагов, обернулась.

Незнакомец. Высокий, темноволосый... Правильные, жесткие черты лица... Полоска шрама на щеке.

Нет, не незнакомец. Во мне крепла уверенность, что я знаю этого человека. Но... откуда?

Как зачарованная следила за его приближением. Длинные ноги, узкие бедра, обнаженный торс с рельефными мышцами, широкие плечи...

Во рту пересохло. Хотя куда уж больше? Там и так царила пустыня Сахара.

Пара шагов – и вот он уже рядом.

– Мири, зачем ты встала?

Вздрагнула, инстинктивно отступив назад, и в это мгновение наши взгляды встретились. Черные глаза, заблестели, моментально потеплев, а меня внезапно бросило в жар... потом в холод... Резко перестало хватать воздуха.

Все, что случилось в последнее время, ярко вспыхнуло в сознании, возвращая меня в тело и память Мэарин Ольес. Переход оказался таким неожиданным и стремительным, что я зашаталась и, наверное, не устояла бы на ногах, если бы меня не подхватили надежные крепкие руки

Рэм....

* * * * *

Примерно через полчаса я снова сидела на сене, мелкими глотками пила горячий горько-сладкий отвар и размышляла над самым важным на данный момент вопросом в своей жизни.

Вот, о чем может думать попаданка, в очередной раз очнувшись в чужом мире и теле?

Жив ли брат? Что с ним случилось?..

Где черти носят мелкого недоэльфа, почему он затаился и не показывается?..

Долго еще придется таскаться по этим Запретным, прости господи, Землям?..

Как бы не так.

Даже насущное: «Как дальше жить?» не очень беспокоило. Меня мучила иная, поистине глобальная и совершенно неразрешимая проблема. Был секс или мне все привиделось?

Смешно? Очень. Глупо? Еще как! Наверное, раньше я от души поохотала бы над сложившейся ситуацией, но сейчас смеяться совершенно не хотелось.

Нет, я ничего не забыла. Память сохранила каждое проведенное вместе мгновение... Каждое прикосновение... Сдавленный стон сквозь стиснутые зубы... Дрожь большого сильного тела... Срывающийся хриплый шепот: «Мири... желанная».

Но так же отчетливо я помнила и другое. Радость от сдачи экзамена. Аромат любимого Петькиного парфюма. Вкус риса с карри и зеленого жасминового чая — он до сих пор ощущался на языке. А ведь ничего этого попросту не было.

Как стало понятно из разговора с Саллером, все это время я спала в пещере, под его бдительным контролем и постоянным присмотром. Да и экзамен по проблемам средневекового искусства, если уж на то пошло, еще только предстояло сдавать в следующем семестре.

Дом, брат, наш разговор мне, как ни обидно это сознавать, привиделись. Значит, не исключено, что и все остальное — лишь плод моей бурной фантазии, подогретой проглоченным накануне снадобьем. Я, в отличие от невинной девочки Мири, прекрасно представляла, что происходит между мужчиной и женщиной. Причем, в деталях. Да и Рэм мне не просто нравился — к нему тянуло с невероятной силой, что уж от самой себя скрывать.

Так что я вполне могла напиться лекарств и провалиться в сладкие грезы, где было все, чего подсознательно жаждала — любовь желанного мужчины, живой и невредимый Петька, наш потерянный дом.

А ведь герцог предупреждал о побочном эффекте этих... капель Витра... так, кажется. Мда... Полечилась называется. Хотя, надо признать, со своей задачей чудо-микстура справилась на отлично — от простуды избавила. Теперь осталось с ума не сойти, а так — все прекрасно.

Сделала еще несколько глотком, чувствуя, как с каждой минутой ко мне возвращается бодрость и хорошее самочувствие. Пока я спала, Саллер успел отыскать в этом странном месте ларь с посудой. Как только пришла в себя, заварил

травяной чай из своих поистине неиссякаемых запасов, сунул мне в руки вот эту деревянную емкость и снова скрылся в глубине пещеры.

– Нашел проход, – объяснил кратко. – хочу проверить, куда он ведет. Не беспокойся, я скоро.

И вот опять же вопрос: станет мужчина после «такого» сбегать на разведку, воспользовавшись первым подвернувшимся поводом? В то время, как он должен... А что, он, собственно, должен? Петь серенады? Извиняться? Объясняться в любви? А если никакой любви нет? Есть только страсть, вожделение? Что бедняге остается?

Прижала к себе большую теплую кружку, вдохнула тонкий аромат лечебных трав.

Вот как теперь выяснить правду? По поведению Саллера судить сложно. Я вообще смутно представляла, как в таких случаях принято себя вести на Риосе вообще и в королевстве Намарра, в частности.

А мне что делать? Не бросаться же ему на шею с криком: «Милый, я так счастлива. Уже придумала имена нашим пятерым сыновьям и трем дочкам. Шкаф поставим в этом углу, кресло – в том. Что касается твоей мамы, я очень ценю ее, но предпочитаю уважать на расстоянии».

Последние два глотка – и отвар закончился, а вместе с ним и мои размышления. Все равно сейчас ни к какому выводу не приду, так что, посмотрим по обстоятельствам.

Закрыла глаза, усмехнулась иронично. Чувствую, веселое время нам предстоит...

Герцог возвратился, когда я уже успела все допить, вяло сжевать очередную лепешку, которые за время наших скитаний уже успели изрядно надоесть и обследовать вероятное «место преступления». Если между нами что-то произошло, должна остаться кровь... Или не должна?... Рэм вполне мог поменять подстилку. Но проверить все-таки не мешает.

Сено порадовало полным отсутствием каких-либо следов «бурной страсти». Юбку даже осматривать не стала – прекрасно помнила, как, стуча зубами от холода, поспешно стягивала насквозь промокшую одежду, чтобы затем нырнуть в восхитительно сухое, теплое сено.

Улыбнувшись про себя, расслабила слишком сильно и неровно затянутую шнуровку. Судя по всему, платье на меня напяливали в бессознательном состоянии, и герцог явно не мог похвастаться опытом по одеванию девушек скорее уж – по раздеванию. Тем приятнее оказалась его забота.

С удовольствием потянулась, прислушиваясь к своим ощущениям. От простуды даже воспоминаний не осталось. Ничего не болело, не беспокоило, не ныло и не ломило. Совсем ничего. Даже низ живота не тянуло, что само по себе тоже наталкивало на определенные печальные выводы.

Мда... Или мне исключительно повезло потерять девственность незаметно и безболезненно... Или капли обладают помимо одурманивающего еще и анестезирующим действием... Или ничего, черт возьми, не было и кое кого просто посетили слишком реалистичные глюки.

Мой первый «первый раз» – звучит-то как забавно – я помнила очень смутно. Робкая

неопытная девочка-первокурсница и не уверенный в себе мальчик, ее ровесник – дерзкий на словах, а на самом деле ужасно паникующий. Он боялся причинить боль, сделать что-то не то, вообще ничего не сделать... И в глазах у него читался большой такой, отчаянный вопрос: «А, может, ну его? Сбегу, пока не поздно...»

Мы встречались почти полгода и когда, наконец, решили заняться «этим» я, чтобы не нервничать самой и не нервировать горе-любовника, попросила его купить чего-нибудь расслабляющего. Мне принесли «Куантро». Знаменитый апельсиновый ликер был всем хорош, кроме одной незначительной мелочи – крепости в сорок градусов.

Мальчик мой в тот вечер совсем не пил, он и так-то себя плохо контролировал, а вот я со страху влила внутрь несколько рюмок «обезболивающего». Идиотский поступок, конечно, но в то время мы уже жили одни без родителей, заранее все обсудить и поговорить по душам оказалось не с кем. Восемнадцатилетний брат-близнец – не лучший советчик в таком деле. А если учесть, что я на тот момент крепких напитков вообще еще не пробовала, картина вырисовывается удручающая.

Нет, я не заснула, не начала буяннить или рыдать у поклонника на плече, меня, как ни странно, даже не развезло. Только вот... впечатлений почти не осталось. Калейдоскоп смутных, разрозненных воспоминаний – это все, чем я могла похвастаться. Оказалось, у моего организма своеобразная реакция на алкоголь, собственно, именно поэтому я тех пор его практически не употребляю.

Так что, если у нас с Саллером все-таки случилось то самое – «важное и незабываемое», я могу гордиться своей уникальностью. Редко кому удастся дважды расстаться с невинностью и один раз просто-напросто не помнить, а в реальности второго сомневаться. Плачевная ситуация, а главное – обидно же. И о чем я с внучками на старости лет сплетничать буду?

«Простите, дорогие мои, так уж получилось. Напилась, упала, очнулась... все.»

Не бабушка, а алкоголичка.

– Мири...

Герцог бесшумно вынырнул из темноты, быстро преодолел разделяющее нас расстояние и, приветливо улыбнувшись, опустился на корточки.

– Как ты?

Прищурился, прошелся по моей фигуре внимательным взглядом, и мне вдруг показалось, будто по телу, невесомо касаясь, скользнула горячая ладонь. Медленно, чувственно...

Он сидел так близко, в полушаге, мои глаза находились как раз на уровне его подбородка. Если немного наклониться вперед – можно коснуться губами небольшой впадинки между ключицами... шеи... а потом незаметно добраться до гладкой кожи широких плеч...

– Мэарин?..

– Прекрасно, – сбрасывая секундное наваждение, выдохнула поспешно и уже более

спокойно повторила: — Я совершенно здорова. Если, нужно, готова идти прямо сейчас.

— Не хочешь еще отдохнуть?

Рэм почему-то колебался.

— Нет-нет. Со мной все в порядке.

Несколько мгновений он всматривался в мое лицо, словно надеялся найти ответ на какой-то очень важный для него вопрос, потом отвел взгляд и со вздохом поднялся.

— Хорошо... В глубине пещеры есть небольшое озеро, вода в нем теплая, так что можно искупаться при желании, — голос герцога на мгновение дрогнул. — А потом я расскажу, куда пойдём дальше.

Обрадованная возможностью помыться, подскочила, торопливо отряхиваясь и поправляя платье.

— К утру стало прохладно, а хворост для костра закончился, — неожиданно произнес Саллер, и я замерла, ожидая продолжения. — Полагаю, мне следует извиниться за то, что не дождался, пока ты проснешься и сама оденешься.

Ах вот в чем дело. Обернулась — герцог стоял близко-близко, черные глаза блестели странным ожиданием.

— Это мне надо благодарить, что не дал замерзнуть.

— Вот как, — дернул уголок губ Саллер. — И не будет слез, жалоб, обвинений в недостойном лорда поведении? — В его тоне скользнуло напряжение, и мне показалось, речь сейчас идет о чем-то большем, не просто о том, что он натянул на меня злосчастное платье без спроса.

Думаю, у настоящей Мири обязательно нашлись бы претензии по этому поводу. Наверное, и мне стоило изобразить хотя бы вялое негодование. Но разыгрывать из себя капризную аристократку не хотелось. Не было ни сил, ни желания.

— Я, скорее, обиделась бы, если бы ты, следуя правилам приличия, оставил меня умирать от холода, — вырвалось искреннее.

Повисла пауза.

— Раньше я полагал, — наконец медленно начал Рэм, — что прекрасно знаю Мэарин Астон и с легкостью могу предугадать, что она скажет, как поведет себя в следующее мгновение. Время показало, как серьезно я заблуждался. Ты полна сюрпризов, Мири, — теперь в его голосе звучало недоумение... Недоумение и затаенная нежность. — Чем дольше я с тобой общаюсь, тем отчетливей понимаю, предсказать твои реакции невозможно, объяснить поступки — сложно. — Он шагнул в сторону, освобождая мне дорогу, но перед этим неожиданно наклонился к самому уху. — Но разгадать тебя невероятно заманчиво.

Глава 2

Как выяснилось, я проспала остаток вчерашнего дня и всю ночь, до позднего утра. За это время Саллер успел отдохнуть, обыскать каждый закоулок пещеры и найти начало длинного извилистого тоннеля, проложенного между нагроможденными друг на друга каменными плитами. Проверять, где он заканчивается, герцог не стал – не хотел надолго оставлять меня одну, но вел проход в нужном нам направлении, поэтому решено было идти именно этим путем. Под землей, по словам Рэма, случайные перемещения происходили гораздо реже – больше вероятности, что мы доберемся до цели, а не выскочим неожиданно в какой-нибудь очередной грибной лес.

Из темной дыры ощутимо веяло сырой прохладой, и я настороженно застыла, силясь различить хоть что-нибудь в полумраке уходящего в глубь горы коридора. Что нас там ожидает? Непроходимые завалы? Зияющие пропасти? Или знакомые по телевизионным передачам пики сталактитов, переливающиеся на свету таинственным блеском?

– Мири, – Рэм обогнул меня и первым вступил в тоннель, потом повернулся, ободряюще улыбаясь: – Идем. – Заметил мою нерешительность, посерьезнел и, глядя в глаза, тихо добавил: – Не бойся. Пока я рядом, никогда ничего не бойся. Я не позволю тебя обидеть. – И снова повторил: – Идем.

И мы пошли.

Сталактитов в проходе не обнаружилось, впрочем, завалов и пропастей, к счастью, тоже. Тоннель скорее напоминал часть лабиринта под каким-нибудь древним замком. Узкий и влажный, он оказался достаточно высоким – передвигаться можно было в полный рост, но только друг за другом.

Через несколько шагов герцог, не останавливаясь, привычным жестом щелкнул пальцами и стряхнул с ладони серебристый огонек. Тот резво вспорхнул вверх и завис над нашими головами, освещая путь. Здесь, в пещере, Хауддан почему-то позволял магу пользоваться простейшими заклинаниями, а вот связаться с крылом мэссер по-прежнему не мог, как ни пытался.

Я машинально переставляла ноги, стараясь не отставать от Саллера и не разглядывать очень уж пристально маячившую впереди фигуру – красивую, мощную, но при этом удивительно легкую, даже изящную.

Литые мышцы, перекатывающиеся под кожей... узкую талию... соблазнительно-упругие...

Так, не смотреть, я сказала!

* * * * *

Мы шли уже несколько суток, а тоннель все не заканчивался. Я понемногу начала

жалеть о днях, когда на каждом шагу можно было провалиться в блуждающий портал и оказаться Танбор знает где – посреди заповедного леса, луга, да пусть даже говорящего болота. Все какое-то разнообразие.

Коридор петлял, сворачивал в одну, в другую сторону. Расширялся, поднимая свод на невероятную высоту... Сужался до такой степени, что пробираться приходилось боком или наклонив голову. Случалось, он резко уходил вниз, потом спуск делался более покатым, и дальше мы часами шагали по абсолютно ровному, гладкому, словно отполированному полу. Утыкались в ручей, набирали воды в опустевшую флягу и прыгали по скользким камням на противоположную сторону.

Время от времени то справа, то слева открывались боковые проходы, мелькали развилки, от которых веером расходились, теряясь в темноте, многочисленные ответвления. Тогда мне представлялось, что наш тоннель – часть огромного, запутанного лабиринта или тайной резиденции какого-нибудь подземного короля.

В такие минуты становилось не по себе, но Саллер уверенно двигался вперед, не колеблясь и никуда не сворачивая, в голове звучало строгое: «Пока я рядом, никогда ничего не бойся. Я не позволю тебя обидеть», и тревога постепенно рассеивалась.

По пути мы не общались, а вот когда останавливались отдохнуть, становилось сложнее. Между нами повисало тягостное напряжение, а тишина порой сгущалась до такой степени, что ее можно было резать на куски. Мы перестали беседовать перед сном, как раньше, и упоминать имя Трэя. Герцог не то, чтобы игнорировал меня, но обращался очень редко, а если и заговаривал, то только в силу необходимости, ограничиваясь короткими четкими репликами.

– Ты не устала, Мэарин?..

– Еще отдохнешь или пойдем дальше?..

– Тебе, наверное, надо привести себя в порядок? Я отойду...

Рэм почти не подходил ко мне, явно стараясь держаться подальше. Но иногда, когда он передавал мне лепешку или кружку с горячим отваром, его ладони на несколько секунд касались моих... чуть задерживались... И тогда казалось, что у меня начинает плавиться кожа в тех местах, где до нее дотрагивались горячие пальцы.

Наши взгляды встречались, и я почти физически ощущала, как тянется и тянется это мгновение. Лишь бешенный стук сердец и молчание, наполненное множеством так и не высказанных вопросов.

Потом герцог выпрямлялся и быстро отходил, под предлогом, что нужно разведать обстановку, а я покрепче сжимала кружку, словно ища у нее поддержки.

Обычно Саллер не смотрел в мою сторону, но иной раз, внезапно оборачиваясь, я замечала, что он за мной наблюдает. Лицо его оставалось непроницаемо-спокойным, лишь в глубине глаз вспыхивали и гасли яркие искры.

Хуже всего было по ночам. Мы полулежали, прислонившись к стене, и Рэм по-прежнему обнимал меня, согревал в объятиях. Он быстро засыпал – по крайней мере, руки его почти сразу становились тяжелыми словно каменными. А я долго сидела, боясь лишней раз пошевелиться. Вслушивалась в ровное дыхание и боролась

с нестерпимым желанием провести рукой по гладкой коже... ладонью... губами.

А когда усталость все-таки брала свое, я неизменно проваливалась в одно и то же видение.

Уходящий к горизонту пляж, легкий ветер, наполненный запахами моря, мягкий песок под обнаженными ступнями... Я стояла на берегу, ощущая ногами прохладную воду, а навстречу шел высокий темноволосый мужчина. Сколько ни пыталась, мне так и не удалось рассмотреть черты его лица, но я совершенно точно знала, кто это.

Секунда... другая... И он уже рядом.

«Мири... желанная...»

Эти сны не приносили покоя, а только выматывали еще больше. Внутреннее напряжение все росло и росло, и я совсем уже решила припереть Саллера в темном углу к стенке и, пока он не опомнился, ошаршить каким-нибудь идиотским вопросом.

Например, «Ты не помнишь, той ночью между нами ничего... необычного не было?»

Он меня опередил.

В конце третьего дня мы услышали еле различимый шум. Тоннель в очередной раз вильнул и вывел нас в высокий подземный грот с водопадом, падающим из ниши у самого потолка в небольшое, но, судя по всему, глубокое озеро.

Отдохнули, искупались, поели...

— Мири...

Подняла голову. Вот сейчас герцог протянет мне кружку и, как всегда уйдет, чтобы вернуться перед самым сном. Но Рэм не торопился исчезать.

— Нам нужно поговорить. Я...

Что хотел сказать Саллер, я в тот раз так и не узнала.

Скала справа от водопада дрогнула, мелко затряслась, а затем резко изогнулась, точно пыталась до нас дотянуться.

Охнув, вскочила на ноги. Герцог быстро развернулся и плавно скользнул в мою сторону, загораживая собою, на кончиках его пальцев уже разгоралось темно-фиолетовое пламя. Чувствуя себя за спиной Рэма в относительной безопасности, я завороченно наблюдала за тем, как часть стены пошла рябью, на миг будто подернулась туманом, а потом приобрела очертания гигантской фигуры.

Несколько ударов сердца — и перед нами предстало огромное, в два человеческих роста, существо, отдаленно напоминающее мужчину. Массивное тело, составленное из черных, отполированных до зеркального блеска валунов, мощные руки и ноги.

Шеи у чуда местной природы не имелось вовсе — малюсенькая, по сравнению с торсом, голова сидела прямо на широченных плечах, практически утопая в них. На макушке зловеще сиял какой-то замысловатый рисунок. Таким же призрачным

голубоватым светом мерцали на «лице» две узкие щели, заменяющие этому созданию глаза.

Гостю... или, что более вероятно, хозяину надоело изображать величественно-монументальную статую. Он пошевелился и с грохотом двинулся вперед. Невольно поежилась — такой... такое легко раздавит любого из нас, даже не задержится, чтобы посмотреть, как жалкий червяк превращается в кровавое пятно. Саллер, видимо, полностью разделял это мнение — он начал пятиться, оттесняя меня к стене, а огонь с его пальцев мгновенно перекинулся на ладони.

— Мири, — герцог явно сдерживался, стараясь говорить спокойно, но его голос звенел, как туго натянутая струна. — Все будет хорошо. Не бойся.

Еще бы я имела представление о том, чего бояться.

Кстати, кто это? Тролль? Вроде непохоже. По крайней мере, в земных сказках их описывают иначе. Голем? Или вообще неведомая нашей мифологии зверушка?

«Неведомая зверушка» сделала еще один шаг...

Магическое пламя обвило запястья мэссера и поползло вверх по рукам. Кажется, сейчас он пытался собрать весь свой резерв.

— Может, стоит сначала поговорить? — внесла я конструктивное с моей точки зрения предложение.

Интересно, в крохотной черепушке имеется хоть одна здравая мысль? Или там удручающе пусто, и взывать к разуму этого загадочного субъекта абсолютно бесполезно? И вообще, камни умеют думать?

— Со Стражем договориться нельзя, — глухо откликнулся герцог. Он уже успел затолкать меня в угол и, закрыв своим телом, встать на пути каменного исполина. — Этот монстр появляется, когда нарушены границы охраняемой им территории и... просто убивает.

Хорошенькое дельце.

Страж стремительно для такого, казалось бы, неповоротливого тела преодолел разделяющее нас расстояние и навис над Саллером. Рэм медленно сжал кулаки. Теперь пылали уже не только его руки, но и плечи. Я застыла ледяной глыбой, уставившись на чудовищную тварь и шепча про себя все известные мне молитвы обоих миров.

И тут неожиданно сверху гулко пророкотало:

— Для того, кто считается одним из лучших магов Риоса, ты слишком простодушен, смертный. Монстр... надо же...

Страж раскатисто хохотнул — словно камнепад обрушился с гор прямо на мою многострадальную голову.

— В твоём возрасте давно уже пора перестать верить в детские сказки. Впрочем, чего еще ожидать от жалкого создания из плоти и воды? Даже элементарная сообразительность для вас — непосильная задача.

Пока я растерянно моргала, судорожно собирая обрывки мыслей, он перевел взгляд на меня, подмигнул – нет, мне не померещилось, он действительно это сделал – и добавил:

– Добро пожаловать в Хауддан, маленькая леди.

* * * * *

Мы сидели в полукруглой комнате за водопадом, удобно расположившись на каменной скамье у такого же каменного очага, и беседовали с каменным Стражем Подземных дорог – по крайней мере именно так официально-церемонно представился хозяин.

Петьке бы понравилось!

Вспомнив о брате, тихонько вздохнула.

На гранитной плите жарко полыхал ничем не подпитываемый магический огонь, руки грела кружка с горячим отваром, в душе после недавней бури эмоций поселилась пустота, а в мыслях царила полная сумятица. И все бы ничего, если бы не «милая» беседа, которую вели мои соседи.

Эти двое с самого начала не очень ладили. Можно сказать, они недолюбливали друг друга еще до того, как встретились. Хаудданец, как все местные, традиционно не жаловал магов, а мэссер привык относиться к Стражам, как к неразумным и злобным порождениям Запретных Земель.

– Так что, смертный, ты и правда считал нас кровожадными чудовищами? Тупыми, а то и вовсе безмозглыми? – поддевал герцога Страж. Тот благоразумно отмалчивался, лишь хмурился и крепче стискивал зубы. – Ваши головы полны глупых суеверий, разведка на редкость отвратительно работает, и при этом вы искренне величаете себя владыками Риоса. Наверняка ведь уверены, что мы питаемся человечиною и размножаемся почкованием...

– А как вы размножаетесь?

Не то, чтобы мне вдруг стало интересно, просто надоел этот откровенный троллинг. Хотя... было бы любопытно узнать, как эти ожившие окаменелости... Хм... А женщины у них есть?

Обернулись оба, причем с абсолютно одинаковым выражением лица. На меня смотрели, как на несмышленного ребенка, который ляпает, что попало, но ему за «мимимишность» и невинность многое прощается.

– Какая любознательная песчинка, – прогрохотал Страж. – Вот что значит пытливый ум и незатуманенное суевериями сознание. А кем мы питаемся, тоже рассказать?

Я поспешила отрицательно качнуть головой, и наш гостеприимный хозяин победно ощерился – трещина, заменявшая ему рот, раскололась, осветившись голубым пламенем.

– Знаешь, смертный, – снова обратился он к Саллеру, – в одном ты прав. Я мгновенно уничтожил бы нарушителей, даже разбираться не стал. И твоя хваленая магия не защитила бы ни тебя, ни женщину, Хауддан очень легко перекрывает к ней доступ, как ты успел уже убедиться. К счастью, у вас имелся пропуск.

Он покосился на мое украшение.

– Какой пропуск? – вскинулся Рэм. Проследил за взглядом собеседника, кивнул понимающе: – Ожерелье Танбора.

– Советую пореже упоминать это имя, – скривился Страж. – Здесь не очень-то жалуют покровителя магов, у нас с ним свои счеты. Танбор ни при чем, помог не он, а встроенная в его безделушку дополнительная программная опция.

– Что? – выдохнули мы с герцогом практически одновременно.

Причем, если он просто не понял, что имелось в виду, то я была откровенно ошарашена. Перенестись в чужую реальность, где слухом не слыхивали о моем мире, угодить на запретные территории и глубоко под землей наткнуться на непонятное существо, которое знает словосочетание «программная опция».

А эта Птархова камешка гоготнула, выдохнув раскаленный синий сгусток, который с шипением растаял в воздухе, а потом еще раз мне подмигнула. Нагло так.

И я не выдержала.

– Скажите, уважаемый, а вы нечисть?

Страж демонстративно медленно, внимательно так оглядел матово поблескивающие валуны, заменяющие ему тело, на которых не было ни одной пылинки... Перевел взгляд на мое изрядно потрепанное в походе платье – я, разумеется, купалась во всех встречаемых водоемах и, по мере возможности, старалась следить за одеждой, но идеальной чистотой она точно не отличалась.

– Все-таки вы забавные существа, – постановил он, закончив осмотр. – Я бессмертен и всегда идеально выгляжу. Вы легко пачкаетесь, загрязняете воздух и землю отходами, гнусно пахнете. Болеете, стареете, умираете, разлагаетесь... Тронь любого из вас, и он взорвется, забрызгав все вокруг омерзительной слизью. Так кто из нас нечисть? Впрочем, – тут же добавил он, – если следовать вашей, людской, логике, да, я нечисть.

И замолчал, пристально глядя на меня. Надо же, какой чистоплюй. Почти как Йор. Недоэльфу не нравилось, что мы «потеет, икает и испражняемся», этому булжнику – что разлагаемся и состоим из слизи.

Но я вовсе не собиралась его оскорблять. Меня интересовал другой вопрос.

– Значит, вы умеете ходить между мирами?

– Как и полагается каждой уважающей себя нечисти, – согласился Страж.

Вид возвышающаяся надо мной глыба имела самый что ни на есть серьезный. Но почему же тогда казалось, что она с трудом сдерживает смех?

– Бывало сидишь, думаешь... думаешь... – тут неуклюжая на первый взгляд громадина снова удивила меня, изогнувшись в позе Роденовского мыслителя. – «Чем бы заняться на досуге?» Делать-то нечего. Человечки трусливые нынче пошли, редко границы нарушают. Вот так, от нечего делать и тащишься... то туда... то сюда. Порой в такую реальность забредешь, что только диву даешься. Людишек как тараканов, немеряно. На земле живут, под землей ездят, под водой передвигаются, по воздуху летают. А вместо магии тех-ни-ка.

Слова «техника» он проговорил по слогам – специально для Саллера.

– По соглашению, заключенному между Хаудданом и королевствами Риоса, открытие межмировых порталов строгойше запрещено, – повелся на провокацию герцог. – Каждый случай рассматривается и...

– А я и не открываю порталы, – уже откровенно фыркнул Страж, выдохнув маленькое облачко полупрозрачного дыма. – Мне это ни к чему. Я вообще границ между мирами не замечаю. Иногда идешь тоннелем здесь, сворачиваешь – и ты уже в другом мире. Там, где существуют горы, подземные проходы, пещеры, есть место и для меня. Для Стража Подземных дорог камень не помеха, я через него прекрасно вижу...

– У стен всегда имеются уши, – пробормотала вполголоса.

– И глаза, – подхватил хозяин. Вот, хожу, наблюдаю, как живут местные... Какие гаджеты используют... И опции к ним добавляют...

Он бросил на меня еще один хитрый взгляд. Но меня его игры сейчас совсем не занимали.

– А человека с собой взять можете?

Покосилась на герцога – как он отнесется к вопросу? Но Саллер не проявлял никакого беспокойства, вероятно, принял мой интерес за элементарное женское любопытство. Судя по тому, как внимательно он смотрел на рассказчика – даже подался немного вперед – и сам не прочь узнать правду.

– Нет, песчинка, – в низком голосе послышалось сожаление. – Для смертных эти пути закрыты. Ваша плоть слишком слаба и несовершенна, чтобы выдержать перемещение. В другой мир попадет только лужица дурно пахнущей слизи.

Кто о чем – а он все о слизи.

– А?...

Хотела спросить о душах – если недоэльфа нет, так хоть каменный монстр мне ответит, – но Страж будто угадал, о чем я собираюсь заговорить. И, перебил, обратившись к герцогу:

– Удивляешься, почему я так свободно все выкладываю? Тебе, магу и мэссеру...

Рэм, помедлив, еле заметно кивнул.

– Мы слишком долго жили, закрывшись от вас. Надеялись, так будет лучше, а получилось... как всегда. Наверное, настала пора что-то менять. – И Страж тут же,

без всякой паузы, перевел разговор на другую тему. – Пора спать, смертные. Завтра рано утром доставлю вас к фрейру.

– К Йору? – вскинулась я. – Вы знакомы? Мы встретились в Древней Обители, – быстро пояснила ничего не понимающему Саллеру. – Это он добавил в ожерелье дополнительную... наложил дополнительное охранное заклинание. Как хорошо, что мы увидимся, вдруг он знает, что случилось с моим... Треем.

Услышав о Трее, герцог помрачнел и надолго замолчал.

– Да кто ж в Заповедных Землях не знаком с... гм... Йором, – громыхнул Страж. А я про себя отметила, что он называет запретные территории – заповедными. – Если ты ему нужен, не то, что из-под земли, из другого мира выдернет, а покойника и в Эльварисе не постесняется разыскать. Легче сделать, что он требует, чем тратить силы и отбиваться. Связался вчера со мной... «Там у тебя смертные под землей неприкаянные бродят, – говорит. – Выведи их ко мне» Вы-то давно уже должны были до него добраться, да, видно, понравились Хауддану. Не желает он вас отпускать.

Если бы каменные черты могли меняться, я бы поклялась, что на лице Стража сейчас отражалась нежность. Он говорил о Хауддане так, словно тот живой.

– Конечно, живой, – подтвердил исполин, вторя моим мыслям. – Это только у вас, людишек, все мертвое. А туда же... нежить... нежить... – проворчал он. Впрочем, вполне беззлобно...

Спать нас уложили на стоявших вдоль стены широких каменных скамьях. Хозяин провел по ним ладонью, и твердый гранит точно растекся, превратив поверхность в теплую мягкую массу. Легла – и сразу провалилась, как в воздушную пуховую перину.

– Спи, маленькая любознательная песчинка, – склонился надо мной Страж. – Не расстраивайся, что не ответил на все твои вопросы. Не мое это дело. Пытай лучше Йора. И, знаешь, что – называй меня на «ты». Не люблю я этих ваших человеческих церемоний. «Вы»... Мне все время кажется, что я умудрился раздвоиться и теперь нас, как минимум, несколько.

И он опять закашлялся голубоватым дымом, смеясь.

Глава 3

Совместное путешествие началось с того, что меня подхватили на руки и, не обращая внимания на мои вялые возражения и ругань Саллера, бережно опустили на сгиб локтя.

– Пойдем быстро, – спокойно предупредил хозяин Подземных дорог. – Очень быстро. Ты мгновенно отстанешь, и всех только удержишь. Так что лучше уж я понесу.

Ну что ж, логичное объяснение. Тем более протестовала я скорее от неожиданности,

а не потому, что так уж жаждала прогуляться пешком. Первый испуг прошел, обузой быть не хотелось, а сидеть, прислонившись к широкому плечу и обозревать сверху окрестности, гораздо удобнее, чем из последних сил бежать за своими спутниками. Поэтому в ответ на строгое: «Договорились?» без колебаний ответила:

– Да.

Гигант удовлетворенно кивнул.

– Тебе, маг, не предлагаю, – повернулся он к герцогу. – Захочешь – догонишь.

Рэм ничего не ответил, лишь мрачно сверкнул глазами, так, что и без слов стало ясно – в подобном снисхождении он, выпускник Шанно-Лансина мэссер, начальник королевской службы безопасности «и прочая, и прочая», не нуждается.

– Мррагарр, – пророкотал, склонившись, мой персональный «носитель» и кончиком пальца осторожно погладил меня по голове.

Он бы еще «козу» дитятке сделал.

– Что? – переспросила озадаченно.

– Можешь называть меня Мррагарр. Полное имя все равно не выговоришь.

Да уж, если сокращенное такое... своеобразное, то точно – не выговорю.

– Марус... – решила представится и я. И тут же исправилась: – Мири.

– Марусмири... – задумчиво повторил Страж. – Тоже ничего себе имя. Пожалуй, даже красивое. Сокращенно Мара? Эх, знал я одну Мару... – он почти мечтательно пыхнул дымом. – Мда... Но эта история точно не для твоих нежных ушей, песчинка.

Вот ведь... шутник каменный.

Петлять по запутанному лабиринту бесконечных коридоров со Стражем оказалось и легче, и веселее. Мррагарр добровольно взял на себя обязанности экскурсовода, и теперь под его старательно приглушаемый рокот передо мной, метр за метром, разворачивалась жизнь и история подземелий Хауддана.

– Вон, налево, видишь, нора? Там обитает семейство нулгов. Туповатые зверьки и очень пугливые, чужакам ни за что не покажутся. А рядом маленькая ямка. Это гнездо гранитного паука. Они с нулгами всегда держатся рядом.

Я послушно поворачивала голову, пытаюсь, пока мы не пролетели мимо, разглядеть и нору, и ямку.

– Направо посмотри, – командовал через какое-то время мой новоиспеченный гид. – Видишь тоннель? Его прорыл земляной червь.

С ужасом уставилась на идеально круглое отверстие, в которое свободно мог пройти высокий человек. Стесняюсь спросить, это какие же размеры у землекопа?

– Так вот... клуриконы однажды решили добраться до гномьего золота...

– Лепреконы? – уцепилась я за почти знакомое слово.

– Нет, лепреконы – народ почтенный, а вот их родичи, те откровенно вороваты, так и норовят стащить, что плохо спрятано, да заклатьем не приколочено. В тот раз они подошли к делу серьезно, уж больно их хваленые богатства бородачей прельщали. Даже червя наняли, чтобы до тайного хранилища докопаться. Прорыли ход – а в сокровищнице ничего-то и не оказалось, кроме малюсенького золотого слитка и надписи на полу: «На бедность». Провели их гномы. Ох и бесились тогда клури. Они ж еще и в убытке остались – червяку заплатили гораздо больше, чем с дела получили.

Добродушный смешок Мррагарра вызвал у меня ответную улыбку. Интересно посмотреть на клуриконов. Какие они? Но больше всего занимало даже не это, а вопрос, зачем червя столько денег? Как он их тратить собирается? А главное – на что?

К обеду тоннель расширился, свод резко взлетел вверх, стены опутали гибкие ветви каких-то светящихся растений, и Саллер, наконец, погасил магический огонек.

– Скоро будем на месте, – подтвердил Мррагарр и неожиданно насторожился, прислушиваясь. – Опять гоблины с гномами чего-то не поделили. – Выдохнул он с досадой. – Надо торопиться.

И мы ускорились так, что бедному герцогу пришлось почти бежать. К счастью, недолго. Поворот, другой... И в лицо ударил яркий солнечный свет, заставляя на несколько мгновений зажмуриться.

– Теперь не заблудитесь, – удовлетворенно произнес Страж. – Выход вон там. – Вслед за этим меня осторожно поставили на пол. – Я не прощаюсь, маленькая песчинка, мы обязательно еще встретимся. Это тебе, держи.

Он аккуратно, двумя пальцами, поднял мою руку и опустил на ладонь гладкий темно-синий камешек с серебристыми искорками внутри.

– Спасибо.

Сжала подарок в кулаке, впитывая его тепло, а потом спрятала в карман. Туда, где уже лежал кленовый листок – как ни странно, после всех наших приключений целый и невредимый.

– Ну, удачи, маг, – небрежно кивнул Мррагарр герцогу. – Тебе она еще ой как понадобится. Девочку береги. А мне пора. Долг, как говорится, он такой... настойчивый. Зовет и зовет.

Страж, по сложившейся уже традиции, подмигнул мне. Басовито и совершенно немзыкально вывел: «Наша служба и опасна, и трудна...», чем привел меня в шок, а герцога в замешательство, и, шагнув к стене, растворился в ней.

Мы с Рэмом вновь остались одни.

Коридор, ведущий к высокой полукруглой арке, за которой сквозь путаницу листьев и цветов, виднелось безоблачное голубое небо, мы преодолели молча.

Я вспоминала наши беседы с Мррагарром и беспокоилась из-за встречи с Йором. Очень надеюсь, что у него есть хоть какая-то информация о брате. Да, я

собственными глазами видела, как взорвалась карета. И Рэм утверждал, что не чувствует больше кузена. Но несмотря на это, вопреки всему я не верила... не могла поверить, что Петьки больше нет.

Я, конечно, не умела ловить удары сердца на расстоянии, но связь между близнецами тоже ведь что-то значит. И теперь мое сердце просто вопило: «Он жив. Жив». Вот выберемся отсюда, найдем Йора, и этот хитропоп... чрезвычайно хитроумный недоэльф мне все не расскажет.

«Не отстану от него, пока не признается», – повторяла я как заклинание, сжимая кулаки и ускоряя шаг, чтобы поскорее добраться до выхода.

А Саллер... У него тоже, наверняка, было, о чем подумать. Всю жизнь считать Стража Подземных дорог неменяемым полумразумным монстром и неожиданно встретить вместо чудовища ироничного остроумного собеседника. Тут поневоле начнешь сомневаться в истинности своих знаний о Хауддане и его обитателях. И в правдивости добытых шпионами сведений тоже. После знакомства с Мррагарром герцог мало говорил – в основном слушал, изредка задавая вопросы, а потом словно уходил в себя, раскладывая информацию по каким-то внутренним «полочкам».

Вот и сейчас он сосредоточенно хмурился и явно о чем-то размышлял.

Наконец тоннель закончился. Мы раздвинули оплетавшие арку лианы и вышли на небольшой скальный выступ – круглую гладкую площадку, от которой, петляя, сбегала вниз узкая, вымощенная серыми плитами тропинка.

Несколько последних шагов – и я остановилась на краю обрыва. Там, под нами, зажата между отвесными склонами гор, сверкающей на солнце чашей лежала зеленая долина. Колыхались кроны деревьев, что-то очень важное обсуждали порхающие с ветки на ветку разноцветные птицы, серебряной змейкой блестела лента реки. Красота!

– Мири, – поторопил Рэм. – Идем.

Дорожка была пологой, но очень уж извилистой и неровной. Она то упиралась в каменную глыбу, которую приходилось обходить, то лопалась выбоиной, а то и вовсе превращалась в ступеньки. Мы уже почти спустились, когда тропинка вдруг расползлась сквозной трещиной, широкой и довольно глубокой.

Герцог первым оказался на другой стороне, повернулся, протягивая руку. Ухватила за его пальцы, прыгнула, и мужчина тут же подхватил меня, помогая удержать равновесие.

Наверное, я сама подалась вперед... не помню... Единственное, что осталось в памяти – ладони Саллера, которые скользят по моей спине, заключая в крепкие объятия. Его пальцы чуть подрагивали и были прохладными, но в тех местах, где они касались кожи, даже сквозь платье, она начинала гореть.

Посмотрела на Рэма, и... в тот же миг окружающий мир перестал существовать. Черные глаза потемнели еще больше, превратившись в бездонные омуты, – и я не удержалась на краю, сорвалась. Полетела в эту манящую бездну, чувствуя, как все сильнее и сильнее кружится голова.

Жадный взгляд прошелся по моему лицу... остановился на губах, и герцог осторожно,

едва дотрагиваясь, провел по ним подушечкой большого пальца. Легкое, невесомое движение, которое оставило после себя обжигающий след.

От острого желания, растекшегося по телу, пересохло в горле. Закрывает глаза и тут же услышала, как Рэм судорожно вздохнул... Или это сделала я?... А потом его губы медленно, нежно-нежно коснулись моих... оторвались, дразня горячим дыханием... И вновь накрыли мой рот, целуя так чувственно и сладко, что замерло сердце.

Вцепилась пальцами в широкие плечи, прильнула теснее, пьянея от ощущения его возбужденной плоти. В ответ Рэм тихо застонал, руки его скользнули вниз, стиснули ягодицы, почти приподнимая меня и с силой впечатывая в твердое напряженное тело.

— Девочка моя... — низкий голос прерывался от желания.

Запрокинула голову, подставляя шею, ключицы, грудь под быстрые, лихорадочные поцелуи. Саллер что-то говорил, но я не слушала. Сердце бешено колотилось, рваным ритмом отдаваясь в висках, колени дрожали, ноги подкашивались. Так упоительно было тонуть в его объятиях — если бы не скала, к которой Рэм успел меня прислонить, я непременно бы упала.

— ... сожалею... — ухватила я краем затуманенного сознания и чуть отстранилась, пытаюсь вникнуть в смысл этих слов.

Он жалеет? О чем?

— Не смогу сделать, как надо...

— Не сможешь... — протянула озадаченно. — Как надо...

А что, собственно, мне надо? Касаться гладкой кожи? Целовать упрямые твердые губы? Ощущать Рэма в себе? Жить вместе долго и счастливо? Если речь об этом, то да, это именно то, чего я жажду... Очень-очень...

— Твоя семья будет настаивать, чтобы соблюдались все положенные правила приличия. Прости, я не могу этого допустить, — терпеливо повторил Саллер, а я, не отрываясь, смотрела на тоненькую жилку, что учащенно билась у него на шее.

Почему он так волнуется? И о каких правилах идет речь? Хотела спросить, но Рэм не позволил.

— Подожди... Дай объяснить. Мы оба надеемся, что Трэй жив, но, если... его больше нет, я попрошу твоей руки. Немедленно. Не дожидаясь, пока закончится срок, отведенный для траура. Не перебивай... — произнес он глухо. Хотя я и не собиралась этого делать. — Я ведь видел, как болезненно ты переживала то, произошло с кузенком, искала у меня поддержки, утешения... Доверилась. Я взрослее, опытнее... воспользовался твоей растерянностью, болезненным состоянием... не выдержал, не остановился... И этого уже не изменить.

Что?

Вгляделась в серьезное, решительное лицо и поняла, Саллер не лукавил. Он действительно считал меня невинной жертвой собственного коварства.

— Знаю, ты любила и... любишь мужа, — продолжал он отрывисто, — а теперь даже память его не почтишь, как полагается, но... Мы должны обручиться немедленно. Не исключено, что ты забеременела...

Он говорил еще что-то о том, что, забрав мою девственность, как честный человек, теперь обязан... Что его величество, в качестве исключения, даст разрешение на такой поспешный брак... Что никто не узнает... не заподозрит... Что он убьет каждого, кто посмеет хотя бы косо взглянуть...

Я стояла, слушала... Слова сыпались и сыпались, оставляя после себя привкус горечи и ясное, четкое понимание.

На самом деле, Рэм давно не верит в то, что Петька отыщется, просто пока меня не расстраивает.

Я не страдаю расстройством психики, и секс у нас все-таки был. Это самое приятное из всего, что я услышала, потому что...

Саллер собирается на мне жениться. Из чувства долга... Из-за предполагаемого «интересного положения»... Из-за того, что я хэленни... Да из-за чего угодно, черт возьми, только не потому, что я нужна ему сама по себе. О чувствах Рэм не сказал ни слова.

Ладно... Молчит? Сама спрошу, испытывает ли он ко мне хоть что-нибудь. Пусть соврет, я по глазам пойму, есть ли у нас шанс на нормальную совместную жизнь.

Увы, я не успела даже рта раскрыть.

— Ох уж эти смертные, — раздалось откуда-то сверху ехидное. — Чуть отвернешься, они так и норовят устроиться где-нибудь в тени и заняться производством себе подобных. С другой стороны... вы так болезненны и недолговечны, что ваша озабоченность потомством и стремление каждую свободную минуту совокупляться вполне объяснимы...

Йор...

Нет, я, конечно, мечтала о встрече, но как же они не вовремя. И недоэльф, и его идиотские комментарии.

Даже оглядываться не стала и выяснять, где прячется этот мелкий пакостник — пожелает, сам спустится. А вот герцог ощутимо напрягся. Обхватил меня, прижал к себе — видимо, для надежности, чтобы не отняли, — и на кончиках пальцев свободной руки засверкали знакомые искры. Он что, опять драться собрался? Неужели до сих пор не понял, что в Хауддане его магия практически бесполезна?

Йор в долгу не остался.

Короткая вспышка — и на нас, щекоча кожу, ароматным дождем посыпались лепестки.

— Красота! — оценил дело рук своих возникший сбоку фрейр. — Но, пожалуй, рановато.

Небрежный щелчок тонких пальцев, и бесконечный розовый поток прекратился. А маленький позер уселся на каменный выступ рядом с нами, насмешливо прищурился,

изучая готового к бою Саллера, и... дунул. Демонстративно так, смешно вытянув губы трубочкой. В тот же миг огоньки на ладонях Рэма зашипели, словно на них плеснули водой, и погасли.

– Упс... – издевательски прокомментировал Йор и, как ни в чем не бывало, повернулся ко мне. – Привет, крошка!

Кто крошка? Я? А на себя в зеркало посмотреть не судьба? У кого-то здесь явно мания величия. Ладно, Петька меня так называл, но этот...

Петька...

Воспоминание кольнуло сердце тупой болью, и все остальное мгновенно отступило, стало неважным. Пусть кривляется, пусть делает, что угодно, лишь бы рассказал о брате.

– Здравствуй, – раз он особо не церемонится, тоже перейду на «ты». – Знакомьтесь, это...

– Мы знакомы, – Рэм чуть заметно кивнул, приветствуя фрейра. – Эмиссар синкалиона.

Ого! Какой громкое звание для такого мелкого существа.

– Да уж, знакомы, это точно, – подхватил недоэльф. Театрально раскланялся и продолжил, подражая собеседнику: – Герцог Роэм Саллер, наследник Фоарнда, племянник правителя Намарры, начальник королевской службы безопасности, высший маг... да что там мелочиться – целый... можно сказать, законченный мэссер. Ничего не упустил?

Я не узнала голос Йора. Ледяной, бесстрастный – он не титулы перечислял, а гвозди вбивал... в крышку гроба. Да и сам малыш как-то неуловимо изменился. Нет, перед нами был все тот же изящный, удивительно красивый «почти эльф», но от его фигуры вдруг повеяло такой силой, древней, могучей, что дыхание перехватило. Это длилось всего несколько секунд. Потом фрейр вспорхнул, перекувыркнулся в воздухе, и на скалу опустился прежний крошечный, обманчиво безобидный весельчак.

– Ах да, – закончил он небрежно. – Как же я забыл... Еще первый жених, который надеется стать вторым мужем. Вот теперь все.

Йор снова грациозно поклонился, одарил нас клыкастой улыбкой и достал – на этот раз, для разнообразия, из кармана – гигантскую грушу. И как она там помещалась?

– Тебе не предлагаю, – сообщил он мне. – Это его светлости... гм... мэссеру то есть.

– Спасибо, не голоден, – мгновенно отреагировал герцог.

– Понятно... – разочарованно протянул недоэльф. Подбросил вверх грушу, и та лопнула, осыпавшись невесомой золотистой пылью. – Ну, попробовать в любом случае стоило. Хоть чему-то вас научили... Маги, – презрительно скривил он губы. – Тухлый тролль всем вам в ноздри.

На какое-то мгновение повисла пауза. Фрейр, склонив голову набок, о чем-то раздумывал.

– Что ж, дорогими гостями называть не стану, не заслужили пока, – произнес он наконец. – но, раз уж дошли...

Гордо приосанился, подбоченился, выставил вперед ногу в золотистом башмачке и торжественно провозгласил:

– Пока не разгорится свет нового дня, двери моего дома открыты для вас, смертные.

Видимо, это была какая-то ритуальная фраза, предлагавшая не только кров, но и защиту. Услышав ее, Саллер удивленно вскинул брови, хмыкнул и ощутимо расслабился. Рука, до этого судорожно сжимавшая мою талию, медленно скользнула вниз.

– Благодарю.

Несколько минут они буравили друг друга взглядами. Потом Йор понимающе усмехнулся, завертелся волчком, разбрасывая вокруг себя разноцветные искры, и растекся туманом, чтобы появиться впереди над тропинкой.

– Ну, что застыли, смертные? – послышался его недовольный голосок. – Второго приглашения ждете? Так хоть окаменейте – не дождетесь, хватит с вас и одного. Поторопитесь, костлявый тролль вам в зад. Я здесь бесконечно ждать не собираюсь. – А если у кого-то имеются вопросы, – он бесцеремонно ткнул пальцем в мою сторону, – придется немного потерпеть.

Спуск давно закончился. Тропинка расширилась, серые плиты сменились разноцветными. Теперь мы шли между высоких, смыкающихся в арку деревьев по аллее, которая, незаметно сворачивая, уводила нас вправо.

Саллер несколько раз порывался начать разговор... или продолжить прерванный, но летевший впереди Йор тут же резко оборачивался и впивался в герцога цепким недружелюбным взглядом. Мужчина мрачнел, отворачивался, так ничего и не сказав, лишь крепче сжимал мои пальцы. Все это время он держал мою ладонь в своей – ни разу не выпустил. Я не убирала руку, но и не отвечала на пожатие.

Сейчас у меня имелось единственное желание – поскорее дойти до дома фрейра. А там уже узнать хоть что-то о брате, попытаться разобраться в наших с Рэмом запутанных отношениях и решить, наконец, как жить дальше.

Я понимала, почему герцог в первую очередь заговорил о своем долге и обязательствах передо мной. Он перестал чувствовать кузена и в глубине души был твердо уверен, что я вдова. Вдова, на запястье которой так и не проступили брачные татуировки, что для все света означало только одно – брак не consummated, я лишилась супруга, так и не успев по-настоящему стать ему женой.

Что дальше?

Юная графиня, умудрившаяся потерять мужа до первой брачной ночи, возвращается к родителям, потому что больше некуда – свекровь сама живет на иждивении старшей сестры. Возвращается и начинает скорбеть по безвременно почившему благоверному, выдерживая положенные полгода траура. Вокруг крутятся новые потенциальные женихи, но близко не подходят, облизываются издали, уважая ее горе. И тут

выясняется, что вдова не так уж и невинна, потому что... ждет ребенка.

Скандал неизбежен.

Мири, конечно, не впервой нарушать правила приличия. Но одно дело – сбежать от жениха, чтобы немедленно обвенчаться с другим, и совсем иное – изменить мужу, лишиться чести в объятиях любовника и тут же забеременеть от него. Этого глупышке Мэарин точно не простят.

Что остается? Уехать в дальнее имение и там выносить ребенка? Но каково придется малышу в мире, где косо смотрят не только на рожденных вне брака, но даже на тех, кто зачат вне его? Чем раньше Мири снова выйдет замуж, тем больше гарантий, что подозрений и сплетен удастся избежать, и происхождение наследника останется безупречным. Уж тут начальник королевской службы безопасности лично постарается.

Так что да, я понимала Саллера. Он не Трэй и не беспринципный Ольес-старший – никогда не болтает попусту. В чувствах можно и потом объясниться... в более подходящей обстановке. Сейчас же надо позаботиться о добром имени «обесчещенной» женщины.

Уверена, если бы на моем месте находилась настоящая Мири, она – после истерики, причитаний и обвинений – наверняка оценила бы поступок герцога. И удовлетворилась им. Защитит, укроет от позора, даст свое имя – и на том спасибо. Потерявшей невинность аристократке особо выбирать не приходится, она не магичка, ей положено блюсти себя.

Я тоже отдавала должное словам Рэма, но... мне их было недостаточно. Вопреки всем доводам рассудка, хотелось услышать то, что так и не прозвучало. И в голове злой осенней мухой зудело:

«А вдруг он ничего не сказал, потому что и говорить-то нечего? Есть страсть, желание, намерение присвоить ценную хэленни, но нет того, настоящего, без чего для меня брак попросту не имеет смысла.

Смогу я жить с мужчиной, который хочет, но не любит? Которого привлекает тело Мэарин Ольес, но даром не нужна душа Маши Климовой?

Поежилась от представшей передо мной безрадостной перспективы и тут же поймала взгляд герцога. Рэм нахмурился и, погладив мое запястье, неожиданно переплел наши пальцы, а потом стиснул их почти до боли. Словно догадывался, какие мысли бродят в моей голове.

Ладно... Сейчас самое важное – узнать, что случилось с братом. А вот потом... потом подумаю, что делать: возвращаться в Намарру или просить убежища в Хауддане. И во многом решение будет зависеть от того, как повернется разговор с Рэмом.

Аллея последний раз вильнула, деревья неожиданно сомкнулись, перегораживая проход, и мы остановились перед высоченными резными воротами, снизу доверху затканными вьющимися растениями. Йор, даже не затормозив, пролетел вперед, прикоснулся к огромным створкам маленькими ладонями, и они бесшумно разошлись в стороны, а дорожка растеклась двумя широкими зелеными лентами, плавно огибая большую поляну.

Я успела разглядеть сочную траву, усыпанную яркими диковинными цветами... маленький пруд справа... гигантское дерево с бледно-розовой кроной в центре... и задрожала, услышав громкий ликующий крик:

— Машка!

Глава 4

Следующие полчаса практически выпали из памяти. Остались лишь отдельные яркие фрагменты — словно осколки разбитого детского калейдоскопа, — а еще ощущение безграничного счастья. И одна-единственная мысль, что лихорадочно билась в голове, вытесняя все остальные:

«Жив! Мой Петька жив!!»

Повиснув у брата на шее, я бормотала что-то бессвязное, благодарила всех известных мне богов, не пропуская Танбора и даже Птарха... Порывисто отстранялась, жадно изучала — так... руки, ноги, голова... все, вроде, на месте — снова обнимала и целовала... целовала...

У нас была такая традиция, еще от бабушки: «крестить» поцелуем, провожая или встречая близких после долгой разлуки.

Лоб, нос, глаза...

Лоб, подбородок, правая щека, левая...

Я вновь повторяла привычный с детства ритуал, плача и смеясь одновременно. Неважно, что Петька по-прежнему «прятался» в чужом теле, и вместо родных карих глаз на меня глядели небесно-голубые очи Трэя. Все равно это он, даже гримасы привычные — вон как знакомо нос морщит.

Брат, сверкая глазами, блаженно щурился, нежно гладил меня по волосам, стирал пальцами бегущие по щекам слезы и шептал слова утешения. До моего сознания они не доходили, да это и не важно — в тот момент достаточно было просто жадно вслушиваться в звук его голоса и твердить про себя, как заклинание:

«Жив... жив!..»

Помню еще, как пыталась в приступе эйфории «отблагодарить» Йора. Мне даже удалось поймать ничего не подозревающего недоэльфа, когда он на свою беду подлетел слишком близко. Пока застигнутый врасплох, ошолбеневший фрейр с ужасом пялился на меня, я его поцеловала... Один раз. После чего Йор придушенно пискнул, резво отбился, отлетел на безопасное расстояние и завис, ожесточенно вытирая щеку и, судя по интонации, явно ругаясь на незнакомом языке,

А я бросилась к герцогу.

Ликование поднималось из глубины души пузырьками шампанского, пьянило, переполняя меня щемящим, до боли сладким чувством. Хотелось поделиться своим восторгом со всеми разом и с каждым в отдельности.

«Жив... Он жив...»

И я цеплялась за плечи Рэма, улыбалась сквозь слезы, заглядывала в глаза. Путаясь, сбиваясь, повторяла, как важно всегда надеяться, ждать...

– Я верила, до самого последнего мгновения верила, и вот видишь?.. Видишь?!

Саллер кивал, не делая попыток освободиться от невменяемой девицы, и даже, кажется, разделял мою радость. Только глаза на бледном лице резко выделялись двумя темными омутами. Провалами в бездну.

Мысль об этом мелькнула и тут же исчезла. Сейчас самое важное, что Петька нашелся, здоровый и невредимый. А с остальным потом разберемся. И я, схватив герцога за руки, потянула к брату.

Следующая сцена осталась в памяти в мельчайших подробностях.

Вот Рэм остановился, улыбнулся.

– Рад видеть тебя живым, Трэй, – негромкий голос звучал глухо, но твердо и искренне.

И Петка вдруг сделал шаг навстречу, сокращая между ними расстояние.

– Спасибо, брат, – произнес он тепло. – За то, что спас, уже в который раз. И о ней позаботился...

Он кивнул в мою сторону и первым протянул ладонь. Саллер побледнел еще больше – если это вообще возможно, – но ответил крепким рукопожатием.

Несколько секунд мужчины, не отрываясь, смотрели друг на друга, словно мысленно о чем-то переговаривались, потом герцог отступил и Петька, тут же подхватил меня под руку. Плотно прижалась к его боку и снова погрузилась в счастье.

Дальше была лестница, широкой спиралью уводящая нас вверх...

Увитая цветами светлая комната...

Чашка чего-то невероятно вкусного, теплого, пахнущего луговыми травами и медом...

И снова ласковые, родные объятия...

Когда я более-менее пришла в себя, Йора рядом не увидела. И Саллера тоже.

Завертелась в руках Петьки, растерянно озираясь по сторонам.

Круглое помещение. Стены и потолок так густо оплетены растениями, что, казалось, лишь из них одних и состоят. Изящная деревянная мебель. На полу – темно-зеленый ковер, подозрительно напоминающий мягкий бархатистый мох. На гигантском, от ковра до потолка окне, которое заменяло половину наружной стены, – каскад лиан,

затеняющих комнату от солнечных лучей.

Все это выглядело очень необычно и в то же время создавало атмосферу умиротворения и уюта. Хотелось придвинуть к окну плетеное кресло, сесть, запрокинуть голову, слушать басовитое жужжание насекомых и смотреть на облака, мелькавшие сквозь ажурное кружево стеблей. Или устроиться на бортике маленького фонтана в центре зала и вдыхать аромат диковинного темно-фиолетового цветка, что под пение струй сонно покачивался на воде.

Тихо, спокойно и... пусто.

— А где все?

— Кого ты имеешь в виду? — брат откинулся на спинку дивана и убрал ладони с моих плеч, давая возможность еще раз внимательно оглядеться.

Честно говоря, в данный момент меня интересовал лишь герцог. И я не стала ни юлить, ни лукавить.

— Рэма.

Мне было все равно, как Петька отреагирует на то, что я вот так вот запросто называю его светлость по имени.

Эмоциональная эйфория постепенно проходила, и память начала подбрасывать картинки недавней, такой неожиданной и радостной для меня встречи. Выражение, с каким Саллер наблюдал за нами с Петькой... Строгое лицо... Какая-то пугающая, мрачная решимость во взгляде... Я вдруг представила, как смотрелась со стороны мои объятия, поцелуи, слезы радости, что мог подумать герцог, какие выводы сделать, и на душе стало горько и тоскливо.

Да, я не знаю, что ко мне испытывает кузен «супруга» — страсть, вожделение или нечто большее. Я и в собственных-то чувствах еще толком не разобралась. Но в одном уверена точно: морочить ему голову — подло. И если я по-прежнему не в состоянии сообщить о себе правду, объяснить, что «Трэй» мой родственник, и между нами никогда ничего не было и быть не может, то кто мне мешает признаться, что не люблю «мужа»? Вернее, люблю, как брата, но не хочу. И он меня тоже.

Скажу, что мы оба ошиблись и давно это поняли. Что просто тепло относимся друг к другу, не больше. Что обсудили все и рады бы развестись, но, увы... брак истинный и расторжению не подлежит. Что оказались в ловушке собственного безрассудства и непоправимой глупости, ужасно сожалеем, но...

Пусть нам с Саллером не суждено быть вместе — я ведь еще не представляю, что меня саму ждет в ближайшем будущем, — но не желаю, чтобы он винил себя в соращении «безутешной» любимой и любящей жены кузена или считал меня беспринципной особой, которой все равно, под кем искать утешение в горе. А дальше... посмотрим, как жизнь повернется.

Не отпускало предчувствие, что очень многое, если не все, прояснится после беседы с фрейром.

— Так где герцог?

Петька безразлично пожал плечами, и я поднялась, пытаюсь определить, где среди листьев и цветов прячется дверь. Если Рэм задержался снаружи или – что совсем плохо – решил нас не беспокоить и не мешать воссоединению счастливых супругов, найду его там, на поляне. Поймаю и все выложу. Чем бы Саллер ни занимался, уверена, несколько минут у него для меня всегда найдется.

Ага, вот и выход.

– Не торопись, девочка...

Я резко обернулась на звук голоса и замерла, наблюдая, как большой фиолетовый цветок в фонтане дрогнул и начал расправлять лепестки. Величественно, неторопливо, словно потягиваясь.

Один... второй... десятый...

Наконец, лепестки полностью раскрылись, затрепетали, сбрасывая капельки воды, и по воздуху поплыл горьковато-сладкий аромат. А вместе с ним из чашечки цветка выпорхнула крошечная девушка – легкая, изящная, похожая на ожившую фарфоровую статуэтку. С сияющей, почти полупрозрачной кожей и длинными золотыми волосами.

– Мэссер сейчас с Йором, – доверительно пояснило это чудо, подлетая ко мне, и комната наполнилась тихим звоном хрустальных колокольчиков. – Пока он не решит, что разговор закончен, ты их все равно не найдешь.

Какие хорошенькие Дюймовочки здесь водятся. Или они тоже полны когтисто-клыкастых «сюрпризов», как фрейр?

– Так что придется немного подождать, все равно больше ничего не остается.

После этих слов местная «Динь-Динь» посчитала свою миссию выполненной и перенесла внимание на Петьку.

– Привет, красавчик, – прожурчала она и кокетливо затрепетала ресницами.

Ну, просто профессиональная обольстительница.

– Здравствуй, Эа, – улыбнулся братец, обнимая меня за плечи. – Знакомься. Моя Маруся. Маш, это...

– Эари, – перебила его кроха. – Только предупреждаю сразу, ко мне обращаться на «ты» и ни в коем случае не путать – я не фея, а фрейя.

Она рассмеялась. Нежный перезвон стал громче, ударился о стены и разлетелся веселыми брызгами.

– Фей у нас давно нет.

По лицу девушки скользнула тень, она на мгновение печально поникла, и в помещении тут же потемнело, так бывает, когда в ясный день солнце вдруг скрывается за тучами. Впрочем, длилось это не больше мгновения. Малышка тряхнула головой – волосы, разметались, окутав ее пышным золотистым облаком, – и через мгновение уже лучилась улыбкой. Ее настроение, мимика гримасы менялись так же быстро, как у недоэльфа. Или это свойство всех нелюдей?

– Смотри, не ошибись, Йор этого очень не любит. А еще ему не нравятся вопросы о том, почему фрейи намного меньше фрейров, и как они... Понимаешь? Надеюсь, ты умнее брата, он долго не мог привыкнуть говорить, что нужно, и молчать, когда требуется.

Малышка погрозила Петьке тоненьким пальчиком, и тот смущенно развел руками. А я про себя отметила, что загадочной Эари прекрасно известно, чья душа живет в теле графа Ольеса. Да и Мррагарр, судя по всему, был в курсе. Здесь что, всем все известно? Или у нас на лбу теперь написано: «Попаданцы»?

– Нелюди видят ауры.

Брат, как всегда, догадался, о чем я думаю. Потерлась виском о его плечо – как же хорошо, что мы снова вместе. Без него я ощущала себя какой-то неполноценной, словно от меня отщипнули часть души.

– Не все, – мягко поправила Эари, – только многоликые. Для того, кто с легкостью меняет собственный облик, не составит труда разглядеть истинную суть любого существа. Под каждой новой оберткой.

– А вы... многоликая?

– И я, и Йор, – кивнула фрейя. – Только никогда не спрашивай о личинах, это считается не просто неприличным – оскорбительным. Тот, кто захочет, сам откроется. А то твой родственник и тут уже отличился.

Чувствую, Петька успел наделать немало ошибок. Как только жив остался с его неумным любопытством и умением вляпываться в сомнительные ситуации?

– В Хауддане почти каждый – многоликий, – продолжала златовласка. – Оба Стража, кстати, тоже.

– Оба? – откровенно озадачилась я. – А кто второй? Мы знакомы только с Мррагарром, Стражем Подземных дорог.

– Разве? – лукаво усмехнулись мне в ответ. – А на чьей поляне ты vyhаживала своего мэссера? Кто помогал? Делился энергией, укрывал ветвями?

– «Клен»? – моему удивлению не было предела. – Дерев... он тоже Страж?

– Шеххисс не дерево, – свела брови Эари. – Вернее, не совсем дерево... Страж Лесных троп – так точнее.

«Шеххисс», – повторила про себя, нащупав в кармане кленовый лист, и по комнате дуновением ветра пронесся прерывистый шелест.

– Ты ему понравилась. Он даже выделил сопровождение – охранять и следить, чтобы с вами ничего не случилось.

Надо же... А я со Стражем, как с неразумным ребенком...

– Не переживай, – моей щеки невесомо коснулась маленькая ладошка. – Но никогда не позволяй видимости обмануть себя. Особенно здесь, в Хауддане. В Заповедных

Землях почти все — не то, чем кажется. Помни, девочка, тело — лишь одежда, ее легко сбросить, и надеть другую. Мы великие мастера иллюзий и маскировки.

Девочка... А сама-то кто? Хотя, если она умеет принимать разные обличия... Интересно, сколько ей лет?

— Много. Гораздо больше, чем ты способна себе представить.

Фрейя поймала мой настороженный взгляд и снова звонко расхохоталась.

— Нет, я не читаю мысли, в этом нет необходимости. У тебя же все вопросы на лице написаны, — она посерьезнела. — Быть собой, казаться кем угодно — вот, что такое многоликость. Если тебе не дано менять внешность, смертная, так научись хотя бы скрывать чувства и желания. Пригодится.

Несколько секунд я, не отрываясь, смотрела в огромные немигающие глаза, которые постоянно меняли свой цвет — темно-зеленые... изумрудные... светло-голубые... — так, что у меня голова пошла кругом. Потом Эари отвернулась и резко сменила тему.

— Ты, наверное, проголодалась, — она перелетела на стол и, указав на огромное блюдо с фруктами, щедро предложила: — Угощайся.

Так... Насколько я знаю, из рук нелюдя ничего брать нельзя. А со стола можно?

— Вы гости, — тут же надулась фрейя. — Того, кто приглашен в дом, не очаровывают. Это... неприлично.

Нежный голосок звучал строго, даже оскорбленно. Действительно... пора учиться скрывать эмоции.

Приняв извинения, Эари выпорхнула за дверь, почти оттаявшая, но все еще чуть-чуть обиженная. Проводила ее взглядом, села, придвинула к себе тарелку, вздохнула и тихо попросила:

— Расскажешь, что с тобой случилось, Петь?

Диковинные плоды — сочные, спелые, невероятно вкусные — незаметно, один за другим, таяли во рту. Я ела и слушала брата. Хотя, собственно, история его спасения получилась короткой. Или он просто не хотел меня понапрасну расстраивать и пропускал все тяжелые моменты?

Он, действительно упал в карету за несколько секунд до взрыва. Что произошло дальше, помнил смутно. Огонь... адская боль... резкий рывок — и здравствуйте, Запретные Земли.

— Меня вытащил Йор, буквально, за миг до смерти. А Эари выходила. — Стоило Петьке упомянуть фрейю, как на его лице тут же расцветала мечтательная улыбка. — Вот собственно и все. С тех пор, как снова встал на ноги, жил здесь, общался с Хаудданом, его обитателями и ждал тебя. Йор обещал, что ты обязательно придешь.

— А о нас ты спрашивал?

— Пытался, но на все вопросы у фрейра имелся один ответ: «Девчонка явится, вот тогда и побеседуем».

После еды – фрукты, на удивление, не просто притупляли чувство голода, а очень быстро насыщали – мы перебрались на диван. Я легла, положив голову на колени брату, а он гладил мои волосы, расспрашивал о наших с герцогом приключениях и говорил о Хауддане. Вот под эти рассказы, с мыслями о Саллере, Йоре, о том, что надо поскорее объясниться с одним и поблагодарить второго за спасение брата, я незаметно для себя уснула. Фрукты, что ли, оказались такими «расслабляющими»?

Грезилась мне какая-то ерунда. Кружащиеся в танце Эари и Йор... Жрецы Танбора, все трое... Собранно-строгий Рэм... Сочувственно качающий головой Петька...

Проснулась я, как от толчка, и сразу даже не сообразила, где нахожусь. Вечерело, за окном одуряюще пахли распустившиеся к ночи цветы, а в комнате, кроме меня, никого не было. Сколько же я спала?

Подскочила, торопливо разгладила платье, поправила волосы и побежала к выходу. Но едва взялась за ручку, дверь распахнулась, и я нос к носу столкнулась с братом. Он подхватил меня под локоть, поддерживая, заглянул в лицо и недоуменно поинтересовался:

– Маш, а что у тебя с Саллером?

Хороший вопрос. Врать не хотелось – у нас с Петькой никогда не было тайн друг от друга. Если я своему близнецу перестану доверять, то на кого тогда вообще полагаться? Высвободилась из его рук и, вернувшись к дивану, вновь устроилась среди подушек.

– С Саллером? – переспросила медленно. Не брата, скорее, саму себя. – Все... – подняла голову, ловя напряженный взгляд, усмехнулась невесело и закончила: – И в то же время ничего... Даже не знаю, как объяснить... С чего начать...

– С самого начала, – невозмутимо посоветовал братец. – И желательно поподробнее.

Странно, но после моих слов он как будто успокоился.

– А, давай, я вместо тебя расскажу? – неожиданно предложил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Герцог впал в эту свою магическую кому, ты его выхаживала, и он, очнувшись, преисполнился самой горячей благодарности. Потом вы вместе блуждали по Хауддану, беседовали, общались друг с другом, да и общее горе людей обычно сближает. Ты ему давно нравилась, он тебе тоже, так что все к одному шло... Нужен был лишь толчок... Страшная гроза, взбесившееся чудовище, чудесное спасение из бездонной пропасти – что-нибудь эдакое... в лучших традициях Голливуда...

– Гроза, – буркнула неохотно. – Простуда и лекарство с побочным эффектом...

– О, и тут без наркотиков не обошлось, – натянуто пошутил братец. Ироническая ухмылка мелькнула на его губах и тут же пропала: – Вы переспали, Машунь? Да? И теперь, как два идиота, не понимаете, что делать.

– Почему как два идиота? – вяло возмутилась я.

– А кто еще? Один уверен, что обесчестил жену брата, воспользовавшись ее неменяемым состоянием, и теперь посыпает голову пеплом и обвиняет себя во всех смертных грехах. Другая ждет от «старого солдата» романтических признаний и

нудных любовных баллад, и без этих розовых соплей чувствует себя абсолютно несчастной. И оба переживают... сомневаются... мучают себя, друг друга и... молчат. Так?

– Может и так, – прищурилась я подозрительно. – Да только тебе откуда все эти подробности известны? Йор напел?

– У этой хитрой мелочи разве что-нибудь выпытаешь? – скривился Петька. – Нет, фрейр здесь ни при чем, я с его светлостью успел пообщаться.

– Что?! – попыталась вскочить с дивана, но брат уже опустился рядом и перехватил мою ладонь, удерживая на месте. – Когда?

– Да вот только что... – он устало потер лоб. – Ты заснула. Я боялся, что разбужу, ну и вышел ненадолго. Пройтись, посмотреть, что происходит, где Йор и... – он запнулся.

«И Эари», – мысленно закончила я. Ох, не нравится мне эта его привязанность к маленькой фрейе. Интересно, кем она недоэльфу приходится?

– В общем, искал я фрейра, а нашел герцога. Они, видимо, только что закончили беседовать. Саллер налетел на меня, такой возбужденный весь, и с ходу огорошил вопросом: люблю ли я тебя?

– А ты?

Я с силой стиснула его пальцы.

– Честно говоря, опешил от такого напора. «Конечно, люблю, – говорю. – Как же иначе? Мири самый дорогой для меня человек» Между прочим, ни капли не соврал, даже не преувеличил. Все так и есть.

– Ну, а дальше? Петька, я тебя сейчас прибую – что ты тянешь?

– Он выдохнул резко, наверное, во время моего ответа вообще не дышал, и понес какую-то ахинею. Что был уверен в моей гибели... какой-то он там стук перестал слышать...

– Биение сердца, – поправила машинально. – Это родовая особенность Саллеров – чувствовать жив родственник или нет.

– Мда... в моем случае дар явно дал сбой, – задумчиво протянул Петька.

– Но ты и не совсем его кузен, если помнишь. Так что Рэм еще сказал?

– Что он наглотался каких-то птарховых капель и не сдержался, но это не снимает с него ответственности. Он соблазнил тебя и, чтобы избежать последствий, собирался сделать предложение сразу по возвращении в Намарру. Как полагается порядочному... и все такое... Маш, ты теперь его лучше, чем я знаешь, он, что, всегда такой отмороженный?

Я понуро кивнула.

– Он человек чести, Петенька. У нас раньше из-за этого на дуэлях убивали и

умирали, смывая позор своей или чужой кровью.

– Кстати о дуэлях, – оживился брат. – Герцог предложил вызвать его на магический поединок, представляешь? Мол, он лишил невинности мою жену и не только поймет, если я пожелаю, бросить ему вызов, но готов добровольно принять на себя печать Гридгрифа. Не знаю, что это за хрень такая, но она временно перекроет дар, ослабит и сильно ограничит способности, так что у Саллера не будет передо мной никаких преимуществ.

– И что ты ответил, Петь?

На меня вдруг навалилась страшная усталость.

– Честно? Хотел послать, но сдержался, видел – светлость и так жутко переживает. Просто сказал, что мне плевать, невинна ты или уже нет, я люблю и ценю тебя не за это. Мое отношение к тебе не изменилось, более того, ты навсегда останешься самым дорогим для меня человеком. Ну он и сдулся. Кивнул молча и ушел. Правда, не сразу. Напоследок прижал меня к дереву и заявил, что, если я посмею тебя упрекать, обвинять или хоть как-то обижу – пусть даже словом, взглядом – он обязательно обо всем узнает и тогда мне точно не поздоровится... Вот после этих слов он и удалился.

Петька замолчал, и в комнате повисла пауза.

– Маш, – наконец кашлянул, прочищая горло, братец. – Я ведь понимаю, что, если бы ты сама не захотела, между вами ничего бы не было. И просто так, от скуки, с ним бы спать не стала. Если все-таки решилась, значит этот мужчина тебе, действительно, нужен. Только вот что теперь нам делать? А главное, как объяснить этому упертому... гм... герцогу, как все обстоит в реальности? Ведь Саллер твердо уверен, что он этот... как его... коварный обольститель.

Петька хихикнул.

– Прости, Марусь, – тут же повинился он. – Но правда ведь, смешно. Спорю, еще не известно, кто там кого соблазнил. Я бы на тебя поставил.

– И выиграл бы, – слабо улыбнулась я. – Не знаю, что от Йора ожидать, и как дальше жизнь повернется, но нам... мне и герцогу обязательно надо поговорить и как можно скорее. Я просто скажу Рэму...

– Любопытно, и о чем же ты собралась поведать нашему многоуважаемому мэссеру, смертная? – прозвенело от окна.

А мне любопытно другое – этот фрейр специально появляется в самое неподходящее время?

– Чего молчишь? – ехидно осведомился недоэльф, спрыгивая с подоконника. – Язык проглотила?

Повернув голову, я с невольным интересом следила за его приближением. На моей памяти Йор первый раз не летел, а просто шел, как ходят люди. Хотя нет... двигался он все-таки по-другому. Было в его походке нечто неуловимо чуждое – стремительная нечеловеческая грация, легкость и в то же время спокойствие сильного, уверенного в себе хищника. И даже то, что он намного ниже нас ростом не делало его менее опасным.

– Ну? – фрэйр остановился перед диваном, вскинул брови и медленно... нагло так осмотрел меня с ног до головы. – Или не успела еще до конца сочинить трогательную речь? Так я помогу. Пользуйся моей добротой, смертная.

Тут он прижал руки к груди, захлопал ресницами и нарочито пискляво заголосил:

– Прости, дорогой, сначала я решила, что хочу не тебя, а Трэя, но потом еще раз подумала-подумала... подумала-подумала... подумала-подумала... и поняла, что перепутала. Нравится-то мне, оказывается, не граф, а герцог, с чем тебя и поздравляю. Вот такая я тугодумка, но мне можно... я ж девочка. А на девочек не обижаются.

На фрейров, судя по всему, тоже. По крайней мере, у меня не было ни времени, ни желания реагировать на язвительные выпады гостеприимного хозяина. Да и, по большому счету, – если отбросить нарочитую грубость, которой Йор любил обычно прикрываться – он ведь недалеко ушел от истины.

Поэтому я не стала возражать и уж тем более, спорить.

– Спасибо за помощь, как бы я жила без твоих советов, просто не представляю. Не подскажешь, кстати, где мне сейчас найти Саллера?

– Где?... – лениво протянул недоэльф. Покосился на окно, закусил губу, словно что-то высчитывая, бросил еще один взгляд на вечернее...нет, уже ночное небо. – Скорее всего во дворце правителя Намарры. Да, пожалуй, уже там...

– Что?

– А чему ты удивляешься? Или, полагаешь, он в Эрменлейв поехал? Сомнительно... Посуди сама, что мэссеру там делать? А вот король уже, наверняка, соскучился по горячо любимому племяннику и просто жаждет увидеть, а особенно услышать... его доклад. Спорим, что я прав? Из своего служебного кабинета ваш Саллер прямоком отправился к венценосному дядюшке.

– Мне все равно, прав ты или нет, – произнесла сдавленно. – И я не собираюсь с спорить. Просто хочу знать...

От волнения внезапно перехватило дыхание. Я запнулась, сглатывая острый ком, застрявший в горле, и тут же почувствовала, как брат заботливо обнимает меня за плечи.

– Герцог ушел из Хауддана? – теперь вопросы задавал Петька. – Порталом? Почему так внезапно?

— А что ему тут делать? — передернул плечами фрейр. — Все, что нужно, мы обсудили, срочные вопросы решили. Он, конечно, имел право задержаться до утра. Если помнишь, у него имелось разрешение оставаться в этом доме, пока не разгорится свет нового дня. Но мэссер пожелал немедленно покинуть наши земли, и я открыл переход. А куда от так торопился — к его величеству или к любовнице — мне безразлично.

Дальше я почти не слушала.

«Имел право задержаться... — гулко стучало в висках. — Пожелал покинуть... Ушел...»

А ведь обещал, что не оставит меня у нелюдей, а сейчас... Даже не соизволил увидеться напоследок, поговорить... Хотя бы попрощаться... Значит, не так уж я для него важна... Значит, и к лучшему, что он теперь там, а я здесь...

— ... так что ложитесь спать, — вдруг донеслось до меня издалека, словно сквозь слой ваты. — А утром побеседуем.

И я, встrepенувшись, вынырнула из вязкого ступора.

— Нет уж, — отчеканила решительно. — Не утром. Сейчас.

Стиснула Петькины пальцы, почувствовала ответное пожатие и перевела взгляд на Йора. Я понимала, что не имею права диктовать свои условия, но ждать всю ночь в неизвестности не могла и готовилась, если придется, настаивать до последнего. Вежливо, но твердо.

Но фрейр, как ни странно, не выказал ни злобы, ни гнева, ни даже раздражения. Моя настойчивость его просто позабавила.

— Потешные вы существа, смертные, — заявил он, отсмеявшись. — Но слишком уж примитивные. Вашими поступками управляет не разум, а чувства — всегда одни лишь чувства. Но так даже занятнее.

Он взвился под потолок, пронесся сквозь фонтан, разбрасывая по комнате жемчужные брызги, и опустился на спинку кресла, что стояло возле стола с фруктами. Между прочим, абсолютно сухой. Выхватил из вазы яблоко, надкусил, заложил ногу на ногу и почти приветливо оскалился.

— Так что вас интересует? Так уж и быть, спрашивайте...

«Пока я добрый», — повисло в воздухе недосказанное.

Мы с братом переглянулись и выдали почти хором:

— Ты не знаешь...

— ... как мы оказались на Риосе?

— Я чего тут знать? — хмыкнул фрейр. — Тоже мне, тайна...

Остатки яблока исчезли в клыкастой пасти. Йор достал белоснежный платок, тщательно вытер руки и только после этого совершенно спокойно продолжил:

– Это я вас перенес.

Воцарилось молчание.

Недоэльф победно улыбался, довольный произведенным эффектом, а мы пытались проглотить и переварить новость. Вот так вычисляешь-вычисляешь, ищешь «гносного злодея», и вдруг выясняется, что он все это время неподалеку отирался. Подталкивал, направлял, спасал даже, незаметно встраивал в чужие подарки какие-то дополнительные опции. Теперь вот даже не по себе стало – чего он там еще на ожерелье навертел?

– Чего притихли? Неужели вопросы закончились? – демонстративно зевнул Йор. – Ну, тогда до завтра. Веселой вам ночи, смертные.

Он гибким движением перетек на ноги, потянулся, бесцеремонно повернулся к нам спиной и взлетел в воздух, явно собираясь перепорхнуть обратно на подоконник.

Петька очнулся первым и сразу же бросился в атаку.

– Зачем?... – Голос брата звенел от напряжения. – Что тебе вообще от нас нужно.

– О, наконец-то отмерли, – съязвил фрейр, опускаясь обратно. – А я уж думал, откачивать придется. Хорошо, фонтан рядом, есть куда головой сунуть.

Вот ведь гаденыш. Еще и издевается.

– Давай, ты на какое-то время перестанешь разыгрывать из себя шута и просто расскажешь, что собирался? – предложила я тихо. – Ведь не просто так нас с Земли выдернули, а потом долго и настойчиво в Хауддан зазывали? Не только, чтобы поглумиться. Верно?

– А что, если как раз для этого? – прищурился Йор. – Ты же меня совсем не знаешь. Вдруг я обожаю глупые шутки и розыгрыши.

– Нет, – качнула головой. – Ты, может, и мелкий, но точно не мелочный, хотя и прикидываешься им.

– Да и ты не такая уж дурында, какой иногда кажешься, – щедро вернули мне «комплимент». – Осторожная... Не то, что этот воинственный недоумок, твой братец. Если бы не он, вы бы до Заповедных Земель вечность добиралась.

Петька возмущенно фыркнул, но, к счастью, сдержался. Не стал лезть в бутылку.

– Ладно... – произнес фрейр совсем другим тоном. Сдержанно, спокойно, чуть устало и первый раз безо всякого фиглярства. – Вижу, вы действительно, готовы не только слушать, но и слышать. Что ж, побеседуем, детки... Но учтите сразу, разговор предстоит долгий, непростой. И расскажу я только то, что сочту нужным, то есть, сами понимаете, далеко не все. Не заслужили пока...

Ехидная улыбка скользнула по идеально очерченным губам – на миг возвращая прежнего возмутительно-дерзкого, наглого недоэльфа – и тут же погасла.

– Поскольку время позднее, расскажу я вам на ночь занимательную сказку о любознательном мальчике Пиотрее. Ребенок этот рос, конечно, страшным оболтусом,

привык пользоваться своей красотой, природным очарованием, помощью всесильного кузена и всегда выходить сухим из воды. Учиться милый мальчуган не любил, зато обожал читать древние легенды, предания и представлять себя великим героем. Книг в отцовской библиотеке имелось немного, но среди них непонятным образом затесалась одна редкая старинная рукопись. Беспольное, в общем-то, сочинение, в котором, среди прочего, описывалось некое заклинание призыва. Ольеса-старшего это не интересовало, он даже ни разу в жизни не открыл тоненькую невзрачную книжонку, а вот сынок не только прочитал, но и выучил наизусть. Бродил потом по парку, завывал «грозно» и представлял, что подчиняет могущественные силы. Никто, конечно, не откликнулся и не спешил к «великому магу» – мало вызубрить заклинание, нужно вложить в него дар. А его у нашего предприимчивого дитяти отродясь не было. И быть не могло. Шли годы, мальчик повзрослел, перестал мечтать о несбыточном, начал ставить себе более реальные цели. Так бы все и забылось постепенно, если бы... Птарх не подбил его жениться на хэленни. Да еще в Древней обители.

Волосы фрейра неожиданно заискрились, снова, как когда-то, взметнулись змеями, извиваясь и сердито шипя, а лицо исказилось в такой злобной гримасе, что я невольно отшатнулась.

– А ведь девчонка предназначался совсем другому, – процедил он мрачно. – Но этот ваш герцог не пожелал присмотреться повнимательней и отверг дар Танбора. Высокомерный идиот. Теперь ему еще очень долго придется расплачиваться за свою слепоту и безмерную гордыню.

– Да, черт с ними, с Ольесом и Саллером, – все-таки не выдержал Петька. – Один выбрал не ту. Другой, наоборот, не взял то, что подсовывали. Мечты и ошибки аристократов Риоса потом обсудим. Дальше-то что?

– Дальше все просто, – не стал мучить нас Йор. – Когда Мэарин похитили, а Ольеса бросили умирать на дороге, он так испугался, что начал цепляться за любую самую крохотную и невероятную надежду. Случайно вспомнил старое заклинание и... вызвал меня.

– Вызвал? – переспросила недоверчиво. – И как же ему это удалось? Раньше у Трэя ничего не получалось.

– И сейчас бы не получилось, – скривился недоэльф. – Но этот придурок, сам того не подозревая, связал свою душу с душой единственной в мире хэленни, да еще и неразрывными узами. Так что я не мог не прийти.

Значит, не такой уж он и придурок получается.

– Почему не мог? – подался вперед брат. – Ты обязан служить хэленни?

– Разбежался, – оскалился фрейр. – Слюни подбери... хозяин. Я никому ничего не обязан, но... В общем, это уже совсем другая сказка – про доброго и великодушного бога Танбора и про то, что он в действительности наворотил... гм... совершил в великой мудрости и благодати своей. – Последние слова Йор произнес настолько ядовито, что у любого отпали бы последние сомнения в том, как он относится к верховному божеству Риоса. – Сказочку эту, детки, вам еще рано слушать, так что – как-нибудь в другой раз. А сейчас вернемся к удачливому засранцу Пиотрею. Тем более, осталось совсем немного.

Йор соскользнул со спинки дивана и перебрался на подоконник. Хм... Готовит пути к отступлению?

— В момент моего появления Ольес находился при последнем издыхании. Я немного подлечил его и быстренько, хотя, надо признаться, не без удовольствия, сообщил, в какой задни... непростой ситуации он оказался. И тогда этот болван, тоже возомнивший себя моим господином, не попросил, нет — «повелел», чтобы я его спас. Причем выставил условия. Первое. Я немедленно переносу их с женой в другой мир. Туда, где нет магии и никто никогда не слышал о хэленни. Второе. Когда он узнал, что тела переместить невозможно, и речь идет только об обмене душ, потребовал наложить на тех, кто займет их место, заклятие молчания. Чтобы никто не догадался об обмане и не стал искать Ольесов в чужом мире. Отказаться я не мог, скажите спасибо Танбору. Вот, собственно и все...

— Что значит, все? — взвился Петька. — Мы-то тут при чем?

— Вы? Ни при чем, просто под руку подвернулись, — небрежно отмахнулся фрейр. — Очень уж подходили по всем данным. Идеально просто. Так что, не повезло вам, смертные... Не очень приятно? Зато правда. И я, между прочим, не обещал, что мой рассказ вам понравится. Скорее, наоборот. — он надменно выпрямился. — Ну, что, будем дальше беседовать или немного подуетесь для начала?

— Будем беседовать...

Я предостерегающе покосилась на брата. Но, он, судя по всему, тоже не собирался изображать оскорбленную невинность и лелеять бессмысленные в нашем положении обиды. Для этого еще придет время. А на память мы никогда не жаловались.

— Прекрасно, — Йор плавным движением откинул назад волосы, и они белоснежным водопадом опали за спину. Такие мягкие на вид, послушные... Ничем не напоминающие готовых к броску гадюк. — Люблю благоразумных смертных.

— Я очень благоразумная, — заверила мелкого. — И рассудительная. А еще у меня необыкновенно богатая фантазия. Поэтому сразу хотелось бы уточнить, граф и графиня Ольес заняли наши тела? И чем же занимаются сейчас новобрачные? Они, что?..

Я не договорила, оцепенев от развернувшейся в воображении картины. Я и Петька... Вернее, наши тела... Но, черт возьми, это же все равно мы с Петькой.

Мы одновременно скривились, и брат угрожающе стиснул кулаки.

— Убью... — прошипел он яростно.

Я сжала его локоть, полностью разделяя ставшее навязчивым желание.

— Ну это вряд ли, — ничуть не испугался фрейр.

Он даже с места не сдвинулся. Так и сидел на подоконнике, сложив руки на груди и расслабленно покачивая ногой.

— Во-первых, не успеешь. Я летаю быстро, а тебе еще добежать надо. А если проявишь чудеса скорости и доплетешься, то не поймаешь. Во-вторых, уж прости, но слабоват ты, малыш. Мне не соперник и никогда им не станешь, даже не мечтай. А

в-третьих... просто не за что....

Фрейр обиженно надул губы, выдержал паузу, а потом вдруг весело расхохотался.

— Ох, жаль, что вы своих физиономий не видите. На это стоит посмотреть, — пояснил он, отсмеявшись. — Да, не переживайте вы так, болезные, Ольесы так и не стали настоящими супругами. Как и вы.

Йор зацепил тонкий лунный луч, пробившийся сквозь занавески-лианы, потянул его на себя и подбросил вверх.

— Посудите сами, — продолжил он, удовлетворенно наблюдая, как поток призрачного света длинной лентой скользит по потолку, и чашечки цветов над нашими головами начинают сиять, постепенно разгораясь все ярче и ярче. — Два юных существа, легкомысленных, но воспитанных в правилах и традициях Риоса, попали в ваш мир. Представили? — недоэльф самодовольно ухмыльнулся. — Что они по-вашему ощутили?

— Шок?

— Хм... Это еще слабо сказано. Неожиданно оказаться в толпе полуголых людей, да еще в телах брата и сестры, похожих друг на друга, как две капли воды... Вы люди, конечно, любите совокупляться в самых невероятных местах, но не с самим же собой. Это уже точно перебор.

Мы с Петькой переглянулись, молча признавая правоту фрейра. Разнополые близнецы — огромная редкость, и тем не менее, это как раз наш случай. Мы всегда гляделись друг в друга, как в зеркало, чувствуя себя отражением того, кто напротив...

— Бедолаги...

— Не надо их оплакивать, — неожиданно жестко откликнулся Йор. — «Сиятельства» получили, что заслужили. Своей безответственностью, взбалмошностью, эгоизмом. Один обманул и предал брата, который заботился о нем и фактически заменил отца. Вторая нарушила клятвы, данные добровольно. Вот пусть теперь взрослеют и учатся отвечать за свои поступки... там. Сумеют преодолеть трудности? Все у них пойдет хорошо. Нет? Что ж... Я дал им шанс. Оставил ваши воспоминания и убрал влечение друг к другу. Это несложно. И чтобы вы не обвинили меня в том, что я разрушил «великую любовь», скажу сразу — подлинное чувство уничтожить нельзя. Ольесы никогда по-настоящему не любили, они очень быстро охладели бы друг к другу и без моего вмешательства. Только здесь они оказались бы связаны на всю жизнь, вернее, до очень скорой смерти всем мешавшего мужа. А там у них есть возможность начать новую жизнь.

— То, что у меня нет памяти Трэя, тоже твоих рук дело? — нахмурился Петька.

— Ну я чьих же еще? — передернул плечами Йор. — И не надо так воинственно сверкать глазами. Таково было требование «повелителя». Уж не знаю почему, но он пожелал, чтобы его собственные воспоминания ни в коем случае тебе не достались. Так что переживать о графенке не стоит. Он тот еще засранец.

О Пипи, может, и не стоит. А вот Мири мне жалко. Единственная вина этой девушки состояла в том, что она мечтала о счастье... так, как себе его представляла. Сбежала от постылого жениха с юным пылким поклонником, а вместо уютного семейного гнездышка с красавцем мужем получила другую реальность и своего почти

двойника в придачу.

– И по поводу Мэарин тоже, – будто услышал мои мысли Йор. – Здесь она все равно очень быстро сломалась бы или погибла. Слишком слаба и глупа для дара, что так скоропостижно свалился на ее голову. Последняя... единственная на Риосе хэленни – подобная участь не для этой несчастной дурехи.

Ну, да, разумеется, он для такой идиотки, как я.. Спасибо, многоуважаемый Йор.

Кстати...

– А почему мы «подошли по всем данным», да еще и «идеально»? – напомнила Йору его же слова. – Только не надо врать, что мы случайно подвернулись. Просто расскажи, что считаешь нужным... – Запнулась и добавила твердо: – Остальное сами выясним.

А что? Конечно, выясним. Рано или поздно.

– Ну, не то, чтобы вы так уж случайно подвернулись... – протянул фрейр.

Мне показалось, или он действительно смутился? Удивительно. Впрочем, через секунду от легкого замешательства не осталось и следа, и недоэльф ринулся в атаку.

– Вы хоть представляете, как трудно вычислить подходящие жертв... кандидатуры, пока Ольес не успел откинуть копыта, или что там у него имеется? Для того, чтобы перенос душ состоялся, нужно учесть многое. Максимально близкий возраст, похожие имена... Знаете, что имена переплетены с сутью человека? Не знаете? То-то и оно. Ладно, это еще несложно. Но неразрывная внутренняя связь... О, это настоящая проблема. В немагической реальности она существует только между истинно любящими, которых в вашем поганом мирке днем с огнем не найдешь, или...

– Между близнецами, – тихо закончила за него.

– Да. В момент венчания Мэарин была уверена, что любит мужа. Она добровольно и с радостью отдала себя ему, и Танбор соединил их души. Обменяться супруги могли только с такими же... связанными, – недоэльф кивнул в нашу сторону. – Вроде вас. Вы же даже мысли друг друга угадываете.

– Это единственная причина, по которой мы вляпались во всю эту ситуацию?

Голос Петьки звучал почти спокойно

– Не совсем, – отвел взгляд фрейр. – Но это все, что вам пока стоит знать.

– А вернуться... – я даже охрипла от волнения. – Вернуться получится?

– Нет, – припечатал Йор, разбивая вдребезги наши сокровенные надежды. – Заклятие нельзя отменить или повернуть вспять – граф особенно настаивал на данном условии. Я не стал спорить. Эта сладкая парочка на Риосе совершенно не нужна. А вот вы пригодитесь. Так что привыкайте, ваша судьба навсегда теперь связана с нашим миром.

Петька выдохнул сдавленно, а я внезапно успокоилась – хоть какая-то ясность, и

то хорошо. Не надо больше метаться, рваться, ждать, на что-то рассчитывать. Дорога домой закрыта, страница перевернута. Начинается новая жизнь. И она полностью зависит от нас с Петькой... и от того, о чем получится договориться с недоэльфом. Что для себя выторговать. То, что все не так просто, и мы ему зачем-то нужны, уже не вызывало сомнений.

Жаль, разговор продолжить не удалось. Йор принялся морщить лоб, зевать, потом пожаловался на усталость и долгий тяжелый день «в трудах и хлопотах».

– Совсем вы меня замучили, смертные, червивый тролль вам под язык, – выдал он наконец обессиленно. – Все, спать! Остальное завтра.

И, пока мы не успели возразить, с легким хлопком растворился в воздухе, оставив после себя медленно кружившуюся в воздухе золотую пыльцу и напряженное молчание.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/muzhchina-moei-sudby-b64070>